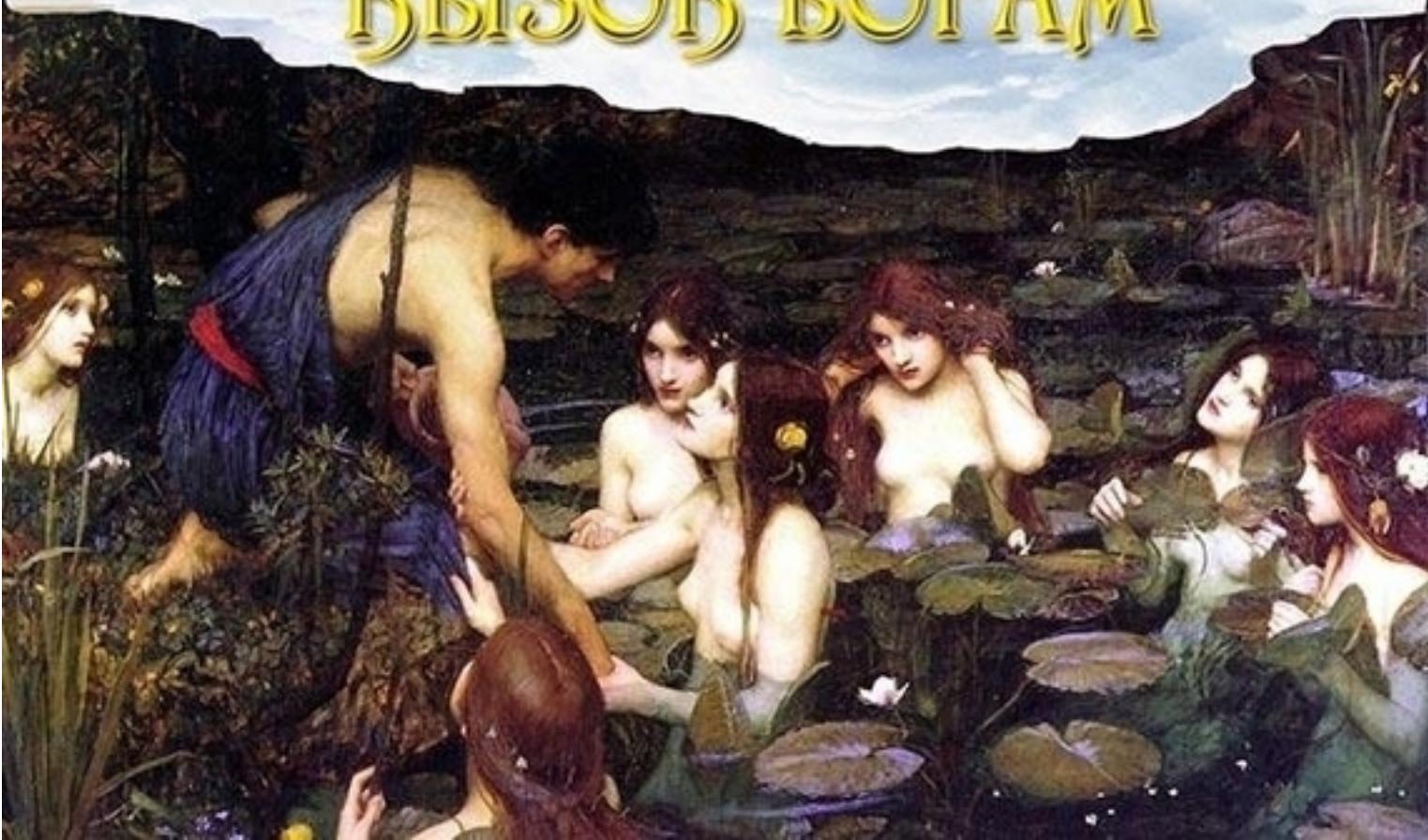

Томас Белфинч

ВЕК ЛЕГЕНД

Книга II

ЛЮДИ, БРОСАВШИЕ ВЫЗОВ БОГАМ

Томас Балфинч

**Всеобщая мифология. Часть II.
Люди, бросавшие вызов богам**

«Остеон-Групп»

1855

Балфинч Т.

Всеобщая мифология. Часть II. Люди, бросавшие вызов богам /
Т. Балфинч — «Остеон-Групп» , 1855

ISBN 978-5-85689-094-4

Вниманию читателя предлагается грандиозная трехтомная монография Томаса Балфинча, впервые вышедшая в Бостоне в 1855 г. Увлекательное изложение древнегреческих мифов сопровождается многочисленными примерами из мировой поэзии, что дает книгу поистине неисчерпаемым кладезем цитат, афоризмов и эпиграфов на все случаи жизни. Этот труд по-своему уникален, поскольку авторставил своей целью не только и не столько познакомить малообразованного американского читателя с основными мифологическими сюжетами, но и показать как надо ими пользоваться, в частности на примере поэзии. Таким образом писатели, журналисты, ораторы и адвокаты в своих речах могли использовать красочные мифологические образы. Как видите, цель здесь автором ставилась сугубо практическая и весьма востребованная в обществе. Это же поставило перед российским издательством достаточно сложную творческую задачу – найти в русской поэзии соответствия многочисленным цитатам из англо-американских авторов. Надеемся, у редакции это получилось.

ISBN 978-5-85689-094-4

© Балфинч Т., 1855

© «Остеон-Групп» , 1855

Содержание

От издательства	6
Об авторе	7
Глава I. Герои высоких страстей	8
Глава II. Герои чести и отваги	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Томас Балфинч
Всеобщая мифология.
Часть II. Люди, бросавшие вызов богам

© ООО «Остеон-Пресс», 2015

* * *

От издательства

Мы продолжаем публикацию грандиозного труда Томаса Балфинча. Этот том затрагивает темы взаимоотношений людей и богов. Боги здесь предстают не только могущественными и сверхъестественно сильными, но и необычайно алчными, гипертрофированно себялюбивыми, сверхъестественно жестокими... Словом, все свойственные обычным людям слабости и недостатки применительно к богам надо умножать на 100 порядков.

Эта книга написана хотя и несколько поверхностно для того, чтобы рекомендовать его книгу в качестве учебного пособия, но всё же достаточно талантливо для того, чтобы заинтересовать молодых людей и побудить их подробнее изучить настоящий предмет, а значит способствует развитию интеллекта и нравственности подрастающего поколения. Поскольку даже самый игривый из древних мифов содержит в себе воспитательное начало и аллегорически подсказывает человеку правильную линию поведения.

Познание мифологии иных народов позволяет нам лучше понять философию и психологию этих народов, а взаимопонимание – это самое главное, что необходимо нам в век, когда вражда и ненависть приводит нации к войнам, не сравнимыми с теми, которые бушевали во времена Балфинча.

Об авторе

Издание классического труда Балфинча, в котором увековечена его широкая эрудиция и кропотливый труд, необходимо дополнить некоторым сообщением об этом американском ученом. «Эпоха легенд» может быть поставлена в один ряд с более ранними книгами, такими как «Путешествие пилигрима», «Путешествия Гулливера», «Арабские ночи» (*«Тысяча и одна ночь»*), «Робинзон Крузо» и пятью-шестью другими всемирно известными произведениями, знать которые должен каждый по-настоящему образованный человек. Многим читателям данное издание, возможно, напомнит детство, и, добавим, почти несомненно откроет при свежем прочтении источник бесчисленных крупиц знания, которые сохранились в их памяти с тех юных лет. Однако само имя Балфинча для большинства этого широкого круга читателей и студентов мало знакомо.

Томас Балфинч был коренным жителем Бостона (штат Массачусетс), где он родился в 1796 г. Его отчество прошло в этом городе, и он подготовился к поступлению в колледж в школе Бостона. Балфинч закончил образование в Гарвардском колледже, и после получения ученого звания последовал период его преподавания в родном городе. Потом в течение длительного времени он занимался бухгалтерией в Бостонском коммерческом банке. Свое свободное время он посвящал дальнейшим классическим штудиям, которые начал в Гарварде, и главное удовольствие его жизни заключалось в записи результатов своего чтения в простой, сжатой форме для юных или занятых читателей. Замысел, которому Балфинч следовал в этой работе, чтобы она была полезна, помещен ниже в Предисловии автора.

Помимо этой работы у Томаса Балфинча выходили:

- «Эпоха мифа», Первое издание, 1855;
- «Эпоха рыцарства», 1858;
- «Мальчик-фантазер», 1860;
- «Легенды о Шарлемане или Роман Средних веков», 1863;
- «Поэзия эпохи мифа», 1863;
- «Орегон и Эльдорадо или Роман рек», 1860.

В настоящее полное издание мифов и легенд включены «Эпоха легенд», «Век рыцарства» и «Легенды о Шарлемане». Мы особо позаботились о том, чтобы четко следовать оригинальному тексту Балфинча, но отметим, для того, чтобы работа стала полностью завершенной, в нее дополнительно были включены некоторые разделы, которые, как надеются издатели, были бы одобрены самим автором. Они не вторгаются в его оригинальный замысел, но просто осуществляют его более детально. Раздел по Северной мифологии был расширен за счет пересказа эпоса «Песни нибелунгов» и краткого изложения вагнеровской версии легенды в его оперной тетралогии (серии музыкальных драм). Под заголовком «Героические мифы британцев» кратко изложены истории о Беовульфе, Кухулине, Гереварде и Робин Гуде. Из стихотворных отрывков, которые попадаются в тексте, тридцать или более были добавлены из литературы, которая появилась после Балфинча, отрывки, которые он, похоже, должен был процитировать, если бы лично контролировал новое издание.

Глава I. Герои высоких страстей

Пирам и Фисба

В древнем Вавилоне, где в ту пору правила царица Семирамида, жили Пирам и Фисба. Пирам был красивейшим юношем, а Фисба – прекраснейшей девушкой. Их родители жили в соседних домах; и соседство свело молодых людей друг с другом, а знакомство перешло в любовь. Они были бы рады пожениться, но их родители были против. Единственное, чего они не могли запретить, это любовь, горевшую в обоих сердцах с одинаковой силой. Они обменивались знаками и взглядами, и пламя в их сердцах горело еще сильнее от того, что должно было быть скрыто. В стене, которая разделяла два дома, была щель, которая возникла из-за какой-то ошибки в конструкции. Никто раньше не замечал ее, но любящие ее обнаружили. Чего только не откроет любовь! Щель пропускала голоса, и нежные послания проникали туда и обратно через нее. Когда они стояли, Пирам с одной стороны, а Фисба – с другой, их дыхания смешивались.

– О жестокая стена, – говорили они, – почему ты разделяешь влюбленных? Но мы не будем неблагодарными. Осознаем, что тебе мы обязаны возможностью передавать слова любви жаждущим их ушам.

Такие слова они произнесли с разных сторон стены; а когда пришла ночь и нужно было прощаться, прижались губами к стене: она со своей стороны, а он со своей, так как не могли быть ближе.

На следующее утро, когда Аврора убрала звезды, а солнце растопило иней на траве, они встретились на привычном месте.

Потом, пожаловавшись на свою жестокую судьбу, они договорились, что следующей ночью, когда все будет тихо, они ускользнут от бдительных взглядов, покинут свои дома и выйдут погулять в поля; а, чтобы обезопасить встречу, направятся в хорошо знакомое сооружение за пределами города, названное Гробница Нины. Тот, кто придет первым, должен был ждать второго у подножия определенного дерева.

Это было белое тутовое дерево, стоявшее около холодного источника. Все было согласовано, и они страстно ждали, когда же солнце опустится в воды, и ночь поднимется из них. Потом Фисба осторожно прокраалась наружу, не замеченная семьей; ее голова была покрыта вуалью. Она проделала свой путь до памятника и села под деревом. Когда она сидела одна, то в слабом вечернем свете разглядела львицу, чья пасть дышала недавним кровопролитием. Львица приближалась к фонтану, чтобы утолить жажду. Фисба скрылась и постаралась спрятаться в углублении скалы. Когда она бежала, то уронила вуаль. Львица, напившись из источника, повернулась, чтобы уйти в лес, но, увидев вуаль на земле, вскинула и разорвала ее своей окровавленной пастью.

Спустя несколько минут задержавшийся Пирам достиг места встречи. Он увидел на песке следы льва и тотчас побледнел. Вот он нашел вуаль, всю окровавленную и порванную.

– О бедная девочка, – сказал он, – Я стал причиной твоей смерти! Ты, более достойная жить, чем я, пала первой жертвой. Я буду следующей. Я виноват в том, что заманил тебя в такое опасное место, и сам не был здесь, чтобы защитить тебя. Выходите вы, львы, из скал и разорвите тело виновного вашими зубами. Моя кровь тоже запятнает ткань, – сказал он и вонзил меч в свое сердце. Кровь хлынула из раны и окрасила белые ягоды тутового дерева в красный цвет; а, капая на землю, достигла его корней, так что красный цвет поднялся по стволу до плодов.

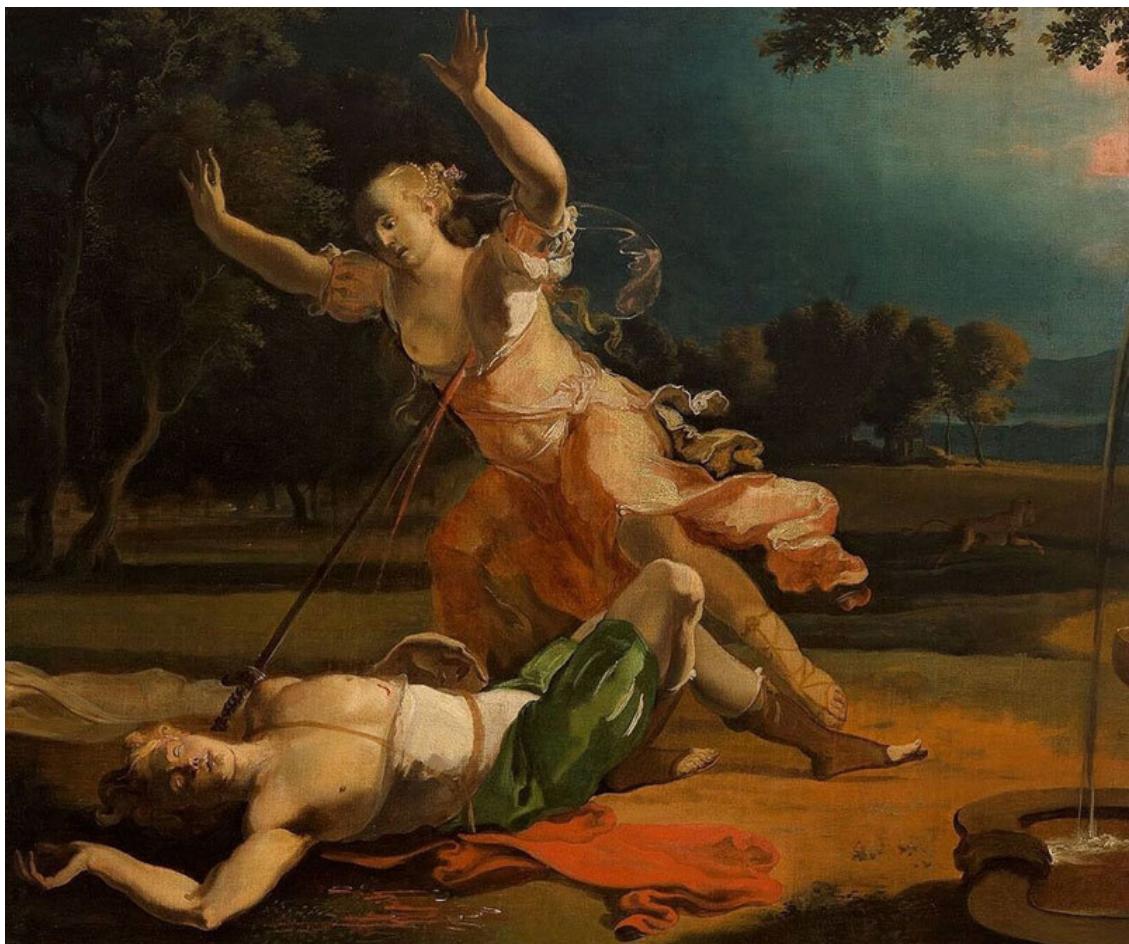
В это время Фисба, трепещущая от страха, все еще не хотевшая разочаровывать своего любимого, осторожно вышла, с тревогой ища юношу, жаждущая рассказать ему об опасности, которой она избежала. Когда она пришла на место и увидела изменившийся цвет тутового дерева, то засомневалась, то ли это место. Пока она колебалась, увидела фигуру человека, корчившегося в агонии смерти. Она бросилась назад, дрожь пробежала по ее телу, как рябь на поверхности спокойной воды, когда внезапный ветерок проносится над ней. Но как только Фисба узнала своего любимого, она вскрикнула, била себя в грудь, обнимая безжизненное тело, проливая слезы на его раны и оставляя поцелуй на его холодных губах.

– О, Пирам, – рыдала она, – что же ты сделал? Ответь мне, Пирам; это я, твоя Фисба, говорю. Услыши меня, дорогой, и подними свою поникшую голову!

При имени Фисбы Пирам открыл глаза, но снова их закрыл. Фисба увидела свою вуаль, запятнанную кровью и пустые ножны от его меча.

– Ты своей рукой окрасил дерево, и это по моей вине, – сказала она, – Я тоже могу быть смелой, и моя любовь столь же сильная, как твоя. Я последую за тобой в обитель смерти, потому что я стала ее причиной; и смерть, которая лишь одна может разлучить нас, не помешает мне соединиться с тобой. А вы, бедные наши родители, не откажите нам в нашей общей просьбе. Как любовь и смерть соединили нас, поместите нас в одну могилу. А ты, дерево, сохрани отметины убийства. Пусть твои ягоды всегда служат напоминанием о нашей невинной крови.

Сказав так, она погрузила меч в свою грудь. Родители Фисбы выполнили ее просьбу, и боги тоже. Два тела были похоронены в одной могиле, а шелковичное (тутовое) дерево с тех пор всегда приносит пурпурные ягоды.

Пирам и Фисба. С картины Абрахама Хондиуса (1625/30–1691/95)

Поэт Джордж Байрон вспоминает этих влюбленных в своем «Дон-Жуане»:

Нас Вавилон пленяет до сих пор:
Там роскошь небывалая дарила.
Там царь царей Навуходоносор
Травой питался. Святость Даниила
Там усмиряла львов, умильный взор
Там на Пирама Фисба обратила;
Там, совершая громкие дела,
Семирамида славная жила!

В переводе «Лузиады» присутствует следующее упоминание истории Пирама и Фисбы и превращения тутовых ягод. Поэт описывает Остров Любви:

«... здесь все дары рука Помоны раздает
В возделанном саду растет привольно,
Вкус слаше их, а краски ярче,
Чем может этого добиться садовод.
Здесь вишня багрецом горит,
В рядах висячих кровию влюбленных
Налиты ягоды тутовые, отягощая ветви».

Если же кто-нибудь из наших юных читателей будет столь бессердечен, что пожелает высмеять бедных Пирама и Фисбу, он может обратиться к шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь», где эта история пародируется забавнейшим образом.

Кефал и Прокрида

Кефал был прекрасным юношем и любил мужественные забавы. Он вставал до рассвета, чтобы отправиться на охоту. Богиня утренней зари Аврора как-то раз увидела его, когда впервые выглянула, чтобы взглянуть на белый свет, который озаряла, влюбилась и похитила его. Но у Кефала к тому времени уже была очаровательная жена, которую он преданно любил. Ее звали Прокрида. Она была любимицей Дианы, богини охоты. Диана подарила ей собаку Лелапса, которая могла догнать любого соперника, и копье, которое никогда не промахивалось мимо цели; а Прокрида передала эти дары своему мужу.

Кефал был так счастлив со своей женой, что сопротивлялся всем мольбам Авроры, которая, наконец, с недовольством освободила его, сказав: «Уходи, неблагодарный смертный, будь счастлив со своей женой, но, если я не очень ошибаюсь, настанет день, когда ты будешь скорбеть о том, что больше никогда не сможешь увидеть ее».

Кефал вернулся и был так же счастлив, как всегда, своей женой и своей охотой. Но вот случилось так, что какой-то гневный бог наслал на эту местность прожорливую лису, которая извела страну; и, чтобы поймать ее, были вызваны охотники. Ходили слухи, что боги специально наделили ее способностью никогда не быть пойманной. Все попытки изловить ее были напрасными; никакая собака не могла ее догнать; и, наконец, охотники пришли к Кефалу за его знаменитым псом, которого звали Лелапс. Как только его спустили, он кинулся в погоню быстрее, чем можно было проследить за ним взглядом. Если бы не было его следов на песке, можно было бы подумать, что он летит.

Кефал и другие стояли на холме и наблюдали за погоней. Лиса применяла всевозможные уловки; она бежала по кругу и запутывала свои следы, собака приблизилась к ней с открытой

пастью, щелкая зубами у самых пяток; но ловила лишь воздух. Кефал был готов бросить копье, когда внезапно увидел, что собака и лисица, обе, внезапно остановились.

Небесные силы, которыми были наделены обе, не пожелали, чтобы что-нибудь из них победил. На пике жизни и движения обе животных обратились в камень. Они выглядели столь естественно, как живые; что глядя на них, можно было подумать, что одна собиралась залаять, а другая – скакать дальше.

Кефал, хотя и потерял свою собаку, продолжал с удовольствием охотиться. Он выходил ранним утром, скитался по лесам и холмам в полном одиночестве, не нуждающийся в помощи, потому что его копье было надежным оружием в любом деле. Утомленный охотой, когда солнце поднялось, он находил тенистый уголок, где протекал холодный источник, и, простервшись на траве со сброшенной одеждой, наслаждался ветерком.

Иногда он говорил вслух: «Приди, о сладостная авра, приди и обдуй мою грудь, приди и облегчи жару, которая сжигает меня».

А надо вам сказать, что «аврой» на одном из ионийских диалектов, а позже и по латыни, называлось легкое дуновение ветерка.

Однажды кто-то проходил мимо и, услышав, как Кефал обращался таким образом к воздуху, по глупости подумал, что он говорит это какой-то девушке с таким именем (а имена в ту пору были самые разные, могло быть и Дуновение). И этому типу хватило ума прийти и рассказать этот секрет Прокриде, жене Кефала.

Любовь доверчива и наивна. Прокрида от внезапного шока лишилась чувств. Придя в себя, она сказала себе: «Это не может быть правдой; Я не смогу поверить в это, пока сама не увижу». И она стала ждать с тревожным сердцем следующего утра, когда Кефал пойдет на охоту, как обычно. Потом она прокралась за ним и затаилась в месте, которое ей указал доносчик.

Кефал пришел, как обычно, когда утомился охотой, и разлегся на зеленом валу, бормоча себе под нос: «Приди, о авра, сладкое дуновение ветерка, приди и обдуй меня; ты знаешь, как я люблю тебя! Ты делаешь рощи и мои одинокие прогулки восхитительными».

Он продолжал в том же роде, когда услышал или подумал, что услышал, всхлипывания в кустах. Предположив, что это какое-то дикое животное, он метнул туда копье. Крик его любимой Прокриды дал ему понять, что оружие очень точно попало в цель. Он бросился туда и нашел ее, истекающую кровью, и со слабеющими силами постарался вытащить из раны копье, ее собственный дар. Она едва открыла глаза и постаралась произнести эти несколько слов:

– Умоляю тебя, если ты когда-нибудь меня любил, если я заслужила хоть какой-то твоей доброты, мой муж, исполни мою последнюю просьбу – не женись на этой отвратительной Авре!

Кефал и Прокрида стали самым трогательным сюжетом для поэтов и художников будущих времён. С картины Пьеро ди Козимо.

Так открылась вся тайна – но увы! Что толку разоблачать ее теперь?! Прокрида умерла; но ее лицо было спокойно, и она смотрела с жалостью и прощением на мужа, когда он раскрыл ей всю правду.

Среди «Баллад-легенд» Мура есть одна о Кефале и Прокриде, начинающаяся так:

«Охотник в роще как-то раз прилег,
И, чтоб укрыться от дневного зноя,
Позвал к себе привольный ветерок
Чуток прохлады принести с собою.
От зноя даже пчелка не поёт,
Не щевельнется даже лист осины,
Охотник пел: «Приди, о сладкий ветерок!»
А эхо песне вторило невинной.

Главк и Сцилла

Главк был рыбаком. Однажды он вытянул свои сети и поймал очень много разной рыбы. Он освободил сеть и продолжил сортировать рыбу на траве. Место, где он находился, было прекрасным островом на реке, одиноким куском земли, на котором никто не жил и не пас скот, и никто, кроме Главка, этот остров не посещал. Вдруг рыбы, которые лежали на траве, начали оживать и двигаться жабрами, как в воде; и пока он смотрел на это с изумлением, все они продвинулись к воде, нырнули в нее и уплыли. Он не знал, как это понимать: то ли какой-то бог сделал это, то ли какая-то сила в траве. «Какое растение обладает такой силой?» – воскликнул он и, собирая травы, пробовал некоторые из них. Едва соки одной травки достигли его нёба, он почувствовал, что одержим страстным стремлением к воде. Он не мог больше сдерживаться, и, попрощавшись с землей, нырнул в поток.

Боги воды ласково приняли его и ввели его в славу своего общества. Они получили согласие Океана и Тефиды, властелинов моря, на то, что смертное в нем должно быть отмыто. Сотни рек пролили свои воды на него. И Главк потерял все чувство своей прежней природы и все сознание.

Когда он пришел в себя, обнаружил, что изменился внешне и внутренне. Его волосы стали зелеными и тянулись за ним в воде; его плечи стали шире, а вместо ног появился рыбий хвост. Морские боги горячо похвалили изменение его внешности, и он вообразил, что стал красавцем.

Однажды Главк увидел прекрасную деву Сциллу, предводительницу морских нимф; она бродила по берегу и, когда нашла укромный уголок, омывала свое тело в чистой воде. Он влюбился в нее и, показавшись над поверхностью, обратился к ней, говоря то, чем, как он думал, можно уговорить ее остаться; но она при виде него пустилась в бегство и бежала, пока не достигла обрыва, обращенного в море. Она остановилась и повернулась назад посмотреть, кто это: бог или морское животное, и с удивлением рассматривала его фигуру и цвет. Главк же, частично высунувшись из воды и опираясь на скалу, сказал:

– Дева, я не чудовище, и не морское животное, а бог; и я выше и Протея, и Тритона. Раньше я был смертным, но последовал жить в море; и теперь полностью принадлежу ему.

Затем он рассказал о своем превращении, о том, как он достиг своего нынешнего величия, и добавил:

– Но что толку от всего этого, если это не может тронуть твоего сердца?

Главк продолжал в том же роде, но Сцилла отвернулась и поспешила прочь. Юноша был в отчаянии, но ему пришло на ум посоветоваться с колдуньей Киркой. Он отправился на ее остров – тот самый, где потом жил Одиссей (о чем будет рассказано в одной из последующих историй). После взаимного приветствия он сказал:

– Богиня, я молю о твоем сострадании; ты одна можешь справиться с болью, от которой я страдаю. Как никто другой я знаю о силе растений, потому что обязан им изменением своей внешности. Я люблю Сциллу. Мне стыдно рассказывать тебе о том, как я добивался ее, и как пренебрежительно она отнеслась ко мне. Умоляю тебя использовать твои заклинания или магические травы, если они сильнее, не для того, чтобы излечить мою любовь – потому что этого я не желаю – но чтобы она разделила ее и ответила мне взаимностью.

На это Кирка, которая совершенно не сочувствовала страстям морского божества, отвечала:

— Лучше бы ты следовал за любящим существом; ты стоишь того, чтобы к тебе стремились, а не сам ты искал напрасно. Не будь застенчив, знай себе цену. Уверяю тебя, даже я, хотя и богиня, знающая силы растений и ароматов, не знала бы, как тебе отказать. Если она презирает тебя, то и ты презирай ее. Обратись к той, которая уже наполовину готова быть с тобой, и так сразу же оба получите должный ответ.

На эти слова Главк ответил:

— Скорее деревья вырастут на дне океана, а морские водоросли — на вершинах гор, чем я перестану любить Сциллу и ее одну.

Богиня была в гневе, но не могла наказать его и не хотела этого делать, поскольку он ей самой очень нравился; поэтому она направила все злые чары, что были в ее распоряжении против своей соперницы, бедной Сциллы. Она взяла ядовитые растения и смешала их с заклинаниями и заклятиями. Затем она прошла через толпу скачащих зверей, жертв ее искусства, и последовала к побережью Сицилии, где жила Сцилла. Там была маленькая бухта, в которой Сцилла обычно отдыхала днем в жару, дышала морским воздухом и купалась в морской воде. Здесь богиня вылила свою ядовитую смесь и произнесла над ней заклинания огромной силы.

На следующий день Сцилла, как обычно, пришла искупаться и погрузилась в воду по талию. В каком же она пришла ужас, когда почувствовала стаю змей и лающих монстров, окружающих ее! Сначала она не могла представить, что они — часть ее самой, и старалась убежать от них и прогнать их; но, когда она бежала, то несла их с собой, и, когда пыталась прикоснуться к своим членам, обнаружила, что ее руки задевают только зияющие пасти монстров... И так несчастная Сцилла осталась прикованной к мести.

Ее характер стал таким же гадким, как и внешность, и она получала удовольствие в том, чтобы пожирать несчастных моряков, которые попадали в ее объятия. Так она погубила шестерых спутников Одиссея и старалась погубить корабли Энея, пока, наконец, не превратилась в скалу, каковой она и до сих пор остается к ужасу моряков.

Китс в своем «Эндимионе» дает новую версию окончания «Главка и Сциллы». По его версии Главк соглашается с уговорами Кирки, пока случайно не становится свидетелем ее сделок со зверями. Питая отвращение к ее вероломству и жестокости, он старается уйти от Кирки, но его берут и приносят назад; однако она с упреками изгоняет его, приговаривая его провести тысячу лет в старости и страданиях. Он возвращается в море и здесь находит тело Сциллы, которую богиня не превратила, а утопила.

Главк узнает, что его судьба заключается в том что, если он в течение тысячи лет будет собирать тела всех утонувших любовников, то появится юноша, возлюбленный богами, и поможет ему. Эндимион осуществляет это предсказание и помогает вернуть Главку молодость, а Сцилле и всем утонувшим любовникам — жизнь.

К образу Сциллы обращается и Мильтон в своем «Комосе»:

Часто слышал
Я трех сирен и мать мою Цирцею,
Когда с толпой наяд в венках цветочных
Своим волшебным пением они
В Элисий душу жертвы увлекали.
Их слушая, рыдала даже Сцилла,
И хриплый лай ее на миг смолкал,
И затихала злобная Харибда.

Нис и Скилла

Однажды Минос, царь Крита, воевал с городом Мегарой. Царем Мегары был Нис, у которого была дочь Скилла. Осада длилась уже шесть месяцев, но город все держался, ибо богами было суждено, что он не будет взят, пока пурпурный локон, который сиял среди волос царя Ниса, будет оставаться на его голове. На городской стене была башня, которая выходила на равнину, где расположился лагерь Миноса и его армии. Скилла, бывало, поднималась на ту башню, чтобы посмотреть на палатки вражеской армии. Осада длилась так долго, что она научилась различать внешность предводителей. Минос особенно взволновал ее воображение. Обряженный в красивый золотой шлем, с сияющим бронзой мечом в руке он восхищал ее своей грациозной выпрявкой; когда бросал свое копье. Умение его, казалось, сочеталось с силой; если он пускал стрелу, сам Аполлон не мог сделать это изящнее. Но когда он отбрасывал свой шлем и в своих пурпурных одеждах садился верхом на белого коня с серой попоной и держал его, взмыленного, под уздцы, дочь Ниса едва могла владеть собой; она была почти без ума от восхищения. Она завидовала оружию, которое он сжимал, вожжам, которые он держал.

Она чувствовала, что смогла бы, если бы это было возможно, пошла бы к нему через неприятельские ряды; у нее было острое желание броситься вниз с башни в середину его лагеря, открыть ему ворота или сделать еще что-нибудь, если бы только это могло порадовать Миноса.

Сидя, одинокая, в башне, она говорила сама с собой: «Я не знаю, радоваться или горевать из-за этой грустной войны. Я жалею, что Минос наш враг; но рада тому, что это дало мне повод его увидеть. Возможно, он желал бы дать нам мира и получить меня в залог. Я бы улетела, если бы могла, и села в его лагере, и сказала бы ему, что мы сами сдаемся ему на милость. Но это значит предать отца! Нет! Лучше я больше никогда не увижу Миноса. Но все же, несомненно, иногда самое лучшее для города быть завоеванным, когда победитель милостивый и великодушный. Минос, определенно, со своей стороны прав. Я думаю, что мы будем завоеваны; и если таким должен быть конец, почему бы любви не открыть ворота, вместо того, чтобы предоставить это сделать войне? Лучше сберечь время и остановить бойню, если мы можем. О, а если кто-то ранит или убьет Миноса! Никто не сделал бы этого специально, но нечаянно, не узнав его, может. Я, я предамся ему с моей страной как с приданым, и так положу конец войне. Но как? Ворота охраняются, и ключи хранит мой отец; только он стоит у меня на пути. О, если бы богам было угодно убрать его прочь! Но зачем просить богов сделать это? Другая женщина, любя, как я, отодвинула бы собственными руками все, что стоит на пути ее любви. И может ли другая осмелиться на большее, чем я? Я встретилась бы с огнем и мечом, чтобы получить свое; но здесь не нужен огонь и меч. Мне нужен только пурпурный локон моего отца. Более дорогой для меня, чем золото, он даст мне все, что я желаю».

Пока она так рассуждала, пришла ночь, и весь дворец погрузился в сон. Она вошла в спальню отца отрезала роковую прядь; потом вышла из города и вошла в лагерь врага. Она потребовала, чтобы ее провели к царю и так обратилась к нему:

— Я Скилла, дочь царя Ниса. Я предаю тебе свою страну и дом моего отца. Я не прошу никакой награды, кроме тебя самого; потому что из любви к тебе я сделала это. Видишь пурпурный локон! С ним я отдаю тебе моего отца и его царство.

Она протянула руку с роковой добычей. Но Минос отпрянул и не притронулся к подарку.

— Боги покарают тебя, бесчестная, — воскликнул он, — Ты — позор нашего времени! Ни земля, ни море не смогут дать тебе места для упокоения! Ни за что мой Крит, где был вскормлен сам Зевс, не будет осквернен таким чудовищем!

Затем Минос отдал приказ, чтобы завоеванному городу были предоставлены справедливые условия мира, и чтобы его флотилия немедленно отчалила от берега.

Скилла была в ярости.

– Неблагодарный, – воскликнула она, – так ты покинешь меня? Меня, которая подарила тебе эту победу, которая пожертвовала ради тебя своим отцом и страной! Я согласна, что виновата и заслужила смерти, но не от твоей руки.

Когда корабли покинули берег, она прыгнула в воду и, схватив руль того корабля, который нес Миноса, стала его нежеланным спутником. Морской орел, сидящий на реях (а это был ее отец, который принял такое обличье) увидев ее, набросился и стал бить неблагодарную дочь своим клювом и когтями. В страхе она отпустила корабль и упала бы в воду, но какое-то милосердное божество превратило ее в чайку.

С той поры морской орел по-прежнему питает к ней старую злобу; и где бы ни заметил ее в своем высоком полете, можно увидеть, как он бросается на нее и начинает бить клювом и когтями, чтобы отомстить за былое преступление.

Дриопа

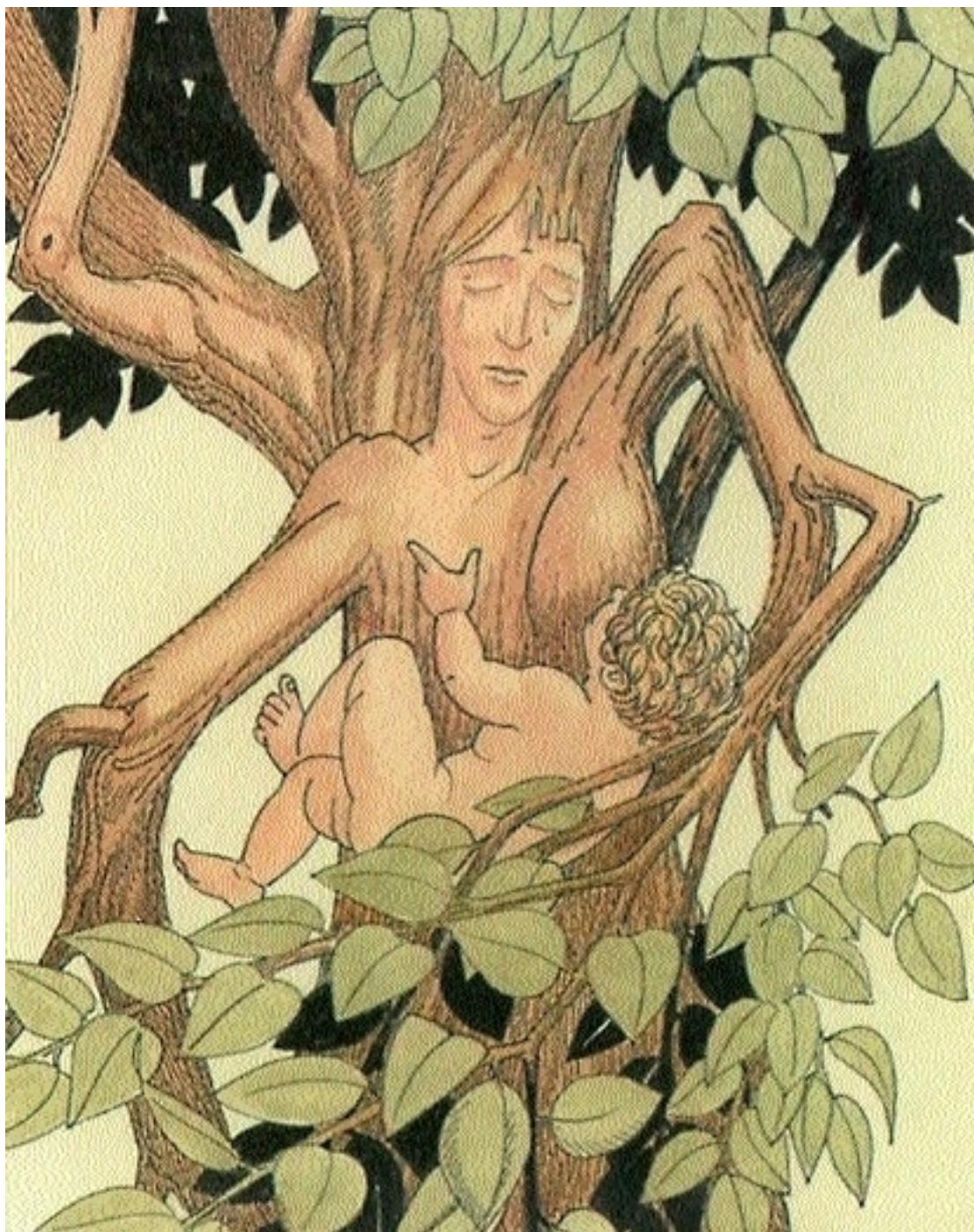
Дриопа и Иола были сестрами. Первая из них была женой Андремона, любима мужем, и была счастлива рождением первого ребенка. Однажды сестры шли по берегу реки, который постепенно спускался к краю воды, а на возвышенности рос мирт. Они хотели собирать цветы для венков на алтарь нимф, и Дриопа несла своего ребенка, прекрасную ношу, на груди и нянчила его на ходу. Около воды рос лотос, покрытый пурпурными цветами. Дриопа собрала некоторые из них и дала ребенку, и Иола тоже собиралась это сделать, как вдруг заметила кровь, капающую с места, где ее сестра сломила цветы со стебля. Растение оказалось ни чем иным, как нимфой Лотой, которая, убегая от низкого преследователя, превратилась в такую форму. Это они узнали от сельчан, когда было уже слишком поздно.

Когда Дриопа поняла, что сделала, то, пораженная ужасом, была бы рада поспешить с этого места, но обнаружила, что ее ноги приросли к земле. Она пыталась вытянуть их, но могла двигать только руками. Оцепенение прокрадывалось вверх, и постепенно окутывало ее тело. В муках она попыталась рвать на себе волосы, но обнаружила, что ее руки полны листьев. Ребенок почувствовал, что грудь матери начала твердеть, и молоко перестало течь. Иола смотрела на печальную участь своей сестры, но не могла помочь. Она обняла растущий ствол, как если бы могла остановить происходящее превращение и словно была бы рада сама покрыться такой же корой. В это время подошли Андремон, супруг Дриопы, и ее отец; когда они спросили о Дриопе, Иола показала им на новообразованный лотос. Долго они обнимали ствол еще теплого дерева и покрывали поцелуями его листья.

Теперь от Дриопы ничего не осталось, кроме лица. Ее слезы струились и падали на листья, и, пока могла, она говорила.

— Я не виновата. Я не заслужила такой судьбы. Я никого не обижала. Если я говорю неправду, пусть моя листва погибнет от засухи, в ствол сломается и сгорит. Возьмите ребенка и отдайте его няне. Пусть его часто приносят и нянчат под моими ветвями, пусть он играет в моей тени; и когда он станет достаточно взрослым для разговора, скажите, чтобы он назвал меня матерью и сказал с грустью: «Моя мать скрыта под этой корой». Накажите ему быть осторожным на берегах реки, пусть он опасается собирать цветы, помня, что каждый куст, который он видит, может быть замаскированной богиней. Прощайте, дорогой супруг, и сестра, и отец. Если в вас остается немного любви ко мне, не давайте топору ранить меня и скоту кусать и рвать мои ветви. Так как я не могу наклониться к вам, поднимитесь и поцелуйте меня; и пока мои губы продолжают чувствовать, поднимите вверх ребенка, чтобы я могла поцеловать его. Больше я не могу говорить, потому что кора уже поднимается по моей шее и скоро закроет меня. Вам не нужно закрывать мне глаза — кора закроет их без вашей помощи».

Потом ее губы перестали двигаться, и жизнь угасла; но ветви еще некоторое время сохранили живое тепло.

А ребенок ее стал богом Паном – творителем всего живого на земле. Китс в «Гимне Пану» упоминает Дриопу следующим образом:

Творитель звуков, что из-под земли
Доносятся на пустоشاх, вдали
Средь вересков лиловых угасая, –
Ты отворяешь двери, ужасая
Безмерным знаньем неземных пучин,
Дриопы славный сын,
Узри к тебе идущих без числа
С венками вокруг чела!

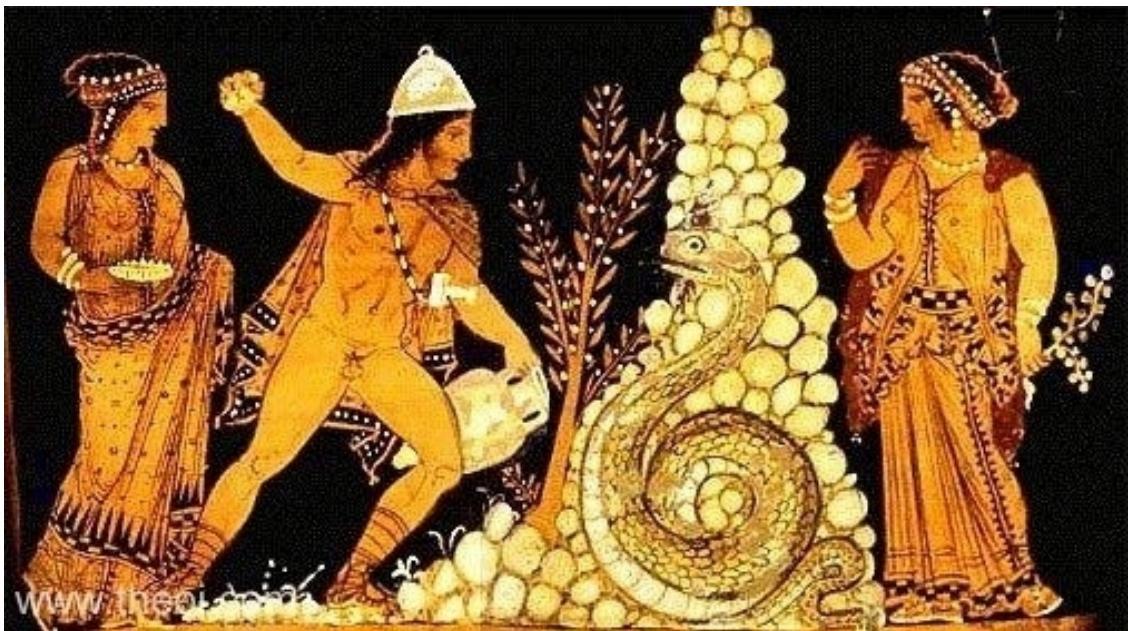
Кадм и Гармония

Как-то раз Юпитера угораздило влюбиться в Европу, дочь Агенора, царя Финикии. Однако, поскольку в своем истинном облике он показаться не мог, опасаясь ревнивой Юноны, он принял образ быка унес и унес с собой девушку в море. Разгневанный Агенор приказал своему сыну Кадму отправиться на поиски его сестры и без нее не возвращаться. Кадм искал свою сестру долго и забрёл в её поисках очень далеко, но нигде не смог найти ее. Не осмеливаясь возвратиться, не добившись успеха, он посоветовался с оракулом Аполлона, чтобы узнать в какой стране ему стоило бы должен поселиться, чтобы не привлекать внимания отца. Оракул сказал ему, что ему надо найти в поле корову и следовать за ней, куда бы она ни пошла, и там, где она остановится, должен построить город и назвать его Фивами. Едва Кадм покинул касталийскую пещеру, из которой вешал оракул, как увидел юную коровку, медленно шедшую перед ним. Он следовал прямо за ней, принося в то же время молитвы Фебу. Корова шла, пока не перешла мелкий канал Кефиса и не вышла на равнину Панопе. Здесь она смирно остановилась и, подняв свою широкую морду к небу, наполнила воздух мычанием. Кадм принес благодарения и, склонившись вниз, поцеловал чужую землю; потом, подняв глаза, приветствовал окружающие горы.

Желая принести жертву Юпитеру, он послал своих слуг поискать чистую воду для возлияния. Недалеко стояла старая роща, которая никогда не осквернялась топором, а в центре ее была пещера, покрытая густыми зарослями кустов; ее крыша образовывала низкую арку, из-под которой вырывался источник чистейшей воды. В пещере скрывался ужасный змей с хохолком на голове и чешуей, сверкающей, словно золото. Его глаза горели, как огонь, его тело было раздуто от яда, его тройной язык дрожал и показывал тройной ряд зубов. Как только тирийцы погрузили свои кувшины в источник, и раздался плеск воды, сверкающий змей поднял свою голову из пещеры и издал ужасный свист. Сосуды выпали из их рук, кровь отхлынула от лица, они задрожали всем телом. Змей, извивая свое чешуйчатое тело в огромное кольцо, поднял голову так, что возвысился над вершинами самых высоких деревьев и, пока тирийцы от страха не могли ни бороться, ни убежать, погубил одних своими клыками, других – в складках тела, третьих – ядовитым дыханием.

Кадм, прождав возвращения своих людей до полудня, пошел на их поиски. Он был покрыт шкурой льва, и кроме копья, нес в руке меч, а в груди – бесстрашное сердце, более надежное, чем все остальное оружие. Когда он вошел в лес и увидел безжизненные тела своих людей и чудовище с окровавленной пастью, то воскликнул:

– О, верные друзья, я отомщу за вас или разделю вашу смерть.

Сказав так, он поднял огромный камень и со всей силой бросил его в змея. Такой камень мог бы сотрясти стену крепости, но не произвел впечатления на чудовище. Затем Кадм бросил копье, которое имело больший успех, поскольку пробило чешую змея и вонзилось в его тело. Озверев от боли, чудовище повернуло свою голову назад, чтобы увидеть рану, и попыталось вытащить оружие ртом, но сломало его, оставив железное острие в своей плоти. Его шея разбухла от ярости, кровавая пена выступила из пасти, и дыхание его ноздрей отравило воздух вокруг. Теперь он сплелся в кольцо, а потом простерся на земле, как ствол упавшего дерева. Когда он двинулся вперед, Кадм отступил перед ним, держа свое копье напротив открытой пасти чудовища. Змей схватил оружие и попытался откусить его железный наконечник. Наконец, Кадм, поймав момент, ударил копьем и так проколол его бок. От веса змея наклонилось дерево, когда он бился в смертельной агонии.

Пока Кадм стоял над поверженным врагом, созерцая его огромные размеры, он услышал голос (откуда, он не знал, но слышал его ясно), призывающий ему собрать зубы дракона и посеять их в землю. Он послушался. Сделал борозду в земле и посадил зубы, из которых суждено было получить урожай людей. Как только он сделал это, почва начала двигаться, и над поверхностью появились копчики копий. Потом поднялись шлемы с раскачивающимися перьями, а затем – плечи, и груди, и тела вооруженных людей, и в свое время взошел урожай вооруженных воинов. Кадм, встревоженный, приготовился к схватке с новым врагом, но один из них сказал ему:

– Не вмешивайся в нашу войну.

Затем тот, кто это сказал, пронзил одного из своих появившихся из земли братьев мечом, и сам пал, пронзенный стрелой третьего. Последний пал жертвой четвертого, и подобным образом вся толпа поступала друг с другом до тех пор, пока все не пали от взаимных ран, за исключением пяти выживших. Один из них отбросил оружие и сказал: «Братья, давайте жить в мире!» Эти пятеро присоединились к Кадму в строительстве города, которому они дали название Фивы.

Кадм получил в жены Гармонию, дочь Венеры. Ради такого события Боги покинули Олимп, чтобы почтить их свадьбу своим присутствием, и Вулкан подарил невесте ожерелье, невероятно сверкающее – свою собственную работу. Но рок висел над всей семьей Кадма из-за того, что он убил змея, посвященного Марсу. Семела и Ино, его дочери, и Актеон и Пенфей, его внуки, все погибли несчастно, и Кадм и Гармония покинули Фивы, ставшие им ненавист-

ными, и уехали в страну иллирийцев, которые приняли их с почестями и сделали Кадма своим царем. Но несчастья, свалившиеся на их детей по-прежнему давили на них, и однажды Кадм воскликнул:

– О, если этот змей столь дорог богам, я готов и сам стать змеем!

Как только он произнес эти слова, его тело начало меняться. Гармония увидела это и умоляла богов позволить ей разделить его судьбу. Оба они стали змеями. С той поры они живут в лесу, но, помня о своем происхождении, опасаются как показываться людям, так и причинять кому бы то ни было вред.

Традиция приписывает Кадму введение в Греции букв алфавита, который был изобретен финикийцами.

Мильтон, описывая змея, который соблазнил Еву, напоминает о змеях в классических историях и говорит:

Подобный гад
Позднее не встречался никогда.
С ним змiev не сравнить, в которых Кадм
И Гермиона преображены
В Иллирии вдвоем, ни божество
Из Эпидавра, ни хваленных змiev,
Чью стать Аммон-Юпитер принимал

Перевод Арк. Штейнберга

Эхо и Нарцисс

Эхо была прекрасной нимфой. Она любила леса и горы, где предавалась лесным забавам. Она была любимицей Дианы и прислуживала ей во время охоты. Но у Эхо был один недостаток: она очень любила говорить, и в беседе, и в спорах за ней всегда оставалось последнее слово. Однажды Юнона искала своего мужа, который (у нее было основание для опасения) забавлялся среди нимф. Эхо своим разговором ухитрилась задержать Юну до тех пор, пока нимфы не скрылись. Когда Юнона обнаружила это, она приговорила Эхо следующими словами:

– Ты поплатишься мне своим языком, которым надула меня, и сможешь только то, что так любишь, – отвечать. За тобой всегда будет последнее слово, но ты никогда не сможешь заговорить первой.

Эта нимфа увидела Нарцисса, прекрасного юношу, когда он охотился в горах. Она влюбилась в него и следовала за ним по пятам. О, как она желала обратиться к нему с самыми нежными словами и добиться разговора с ним! Но это было не в ее силах. Она страстно ждала, чтобы он заговорил первым, и держала ответ наготове. Однажды юноша, отделившись от товарищей, громко крикнул:

– Кто здесь?

Эхо ответила:

– Здесь.

Нарцисс оглянулся вокруг, но, не увидев никого, позвал:

– Приди.

Эхо ответила:

– Приди.

Но так как никто не вышел, Нарцисс позвал снова:

– Почему ты избегаешь меня?

Эхо ответила тем же вопросом.

– Давай будем вместе, – сказал юноша.

Девушка ответила от всего сердца теми же словами и поспешила на место, готовая броситься ему на шею.

Но при виде нее он отпрянул назад, воскликнув:

– Убери немедленно свои руки! Лучше я умру, чем ты будешь со мной!

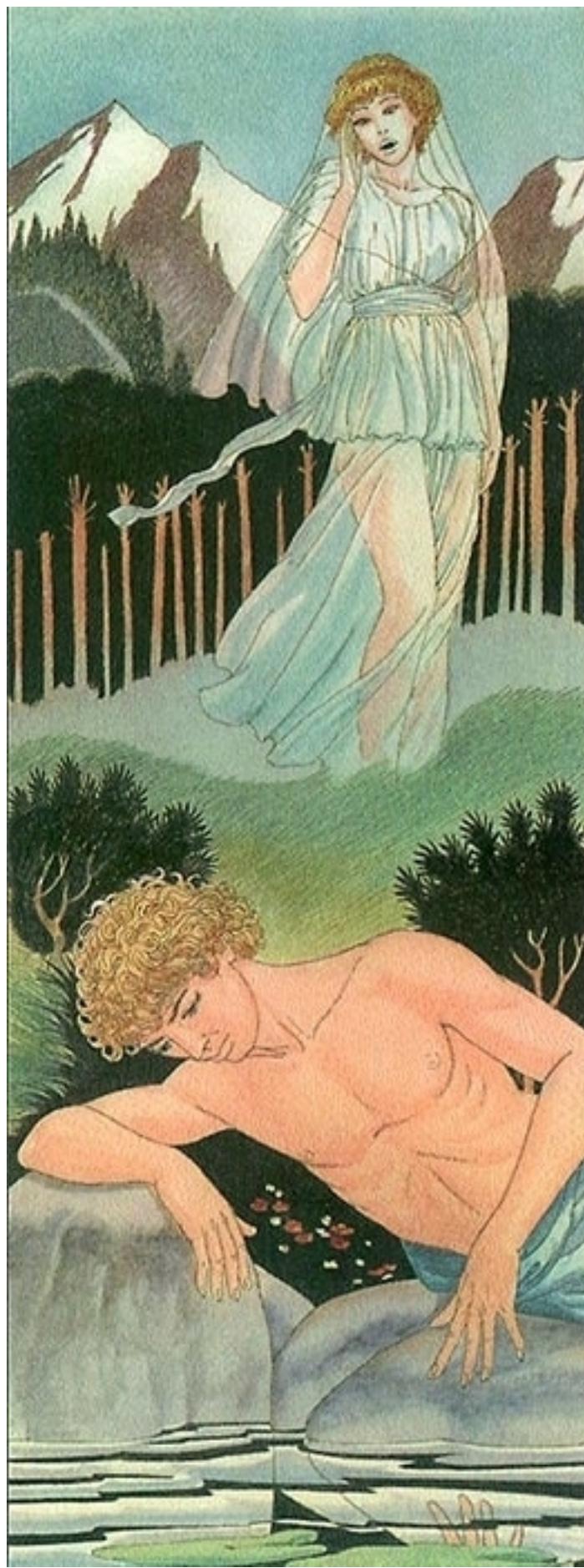
– Будешь со мной, – ответила она; но все было напрасно.

Подобная жестокость Нарцисса была не единственным примером. Он избегал и всех остальных нимф, как и бедной Эхо. Однажды дева, которая тщетно пыталась привлечь его, произнесла молитву, чтобы когда-нибудь он узнал, что значит любить и не встречать взаимности. Мстительная богиня любви Венера услышала ее просьбу.

Был в тех местах источник с водой, чистой как серебро, к которому пастухи никогда не приводили свои стада, где никогда не бывали горные козы и никакие лесные звери; который не покрывался опавшими листьями или ветками; лишь зеленая свежая трава росла вокруг него, и скалы прикрывали его от солнца. Однажды юноша пришел сюда, утомленный охотой, разгоряченный и жаждущий. Он склонился, чтобы попить, и увидел свое отражение в воде. До чего же он изумился при виде собственного дивного образа! Он подумал, что это какой-то прекрасный водный дух, живущий в источнике. Он стоял, глядя с восхищением на яркие глаза незнакомца, локоны, выющиеся, как локоны Аполлона, округлые щеки, шею слоновой кости, алые губы и сверх того от всего облика исходило сияние здоровья и силы. Он влюбился в самого себя. Он поднес свои губы ближе для поцелуя; он погрузил свои руки, чтобы обнять возлюбленного, но... Тот исчез от прикосновения, но через мгновение вернулся и вновь обрел очарование.

Нарцисс не мог освободиться от наваждения; он забыл о еде и отдыхе, сидя над краем воды, созерцая свое отражение.

– О, почему, прекрасное создание, ты избегаешь меня? – уговаривал он таинственное создание, любующееся на него из источника. – Ведь и мое лицо, уверен, не отталкивает тебя. Нимфы любят меня, да и ты сам выглядишь не равнодушным ко мне. Когда я простираю свои руки, ты делаешь то же; и ты улыбаешься мне и отвечаешь на мои кивки тем же. – Его слезы падали в воду и волновали отражение. Когда он видел его отступление, то воскликнул: – Останься, умоляю тебя! Дай мне хотя бы смотреть на тебя, если я не могу прикоснуться к тебе.

Так и многими другими подобными способами он питал пламя, которое охватило его так, что он постепенно утратил свой румянец, силу и красоту, которая так очаровала нимфу Эхо. Однако она была рядом, и когда он воскликнул: – Увы, увы! – она ответила теми же словами. И так он весь истомился душою и умер; и когда его тень проходила стигийскую реку, он склонился с лодки, чтобы поймать свое отражение в воде.

Нимфы оплакивали его, особенно водные нимфы; и когда они били себя в грудь, Эхо тоже это делала. Они подготовили погребальный костер и похоронили бы его тело, но его нигде нельзя было найти; лишь на этом месте был найден цветок, пурпурный внутри и с белыми лепестками вокруг, который с той поры носит его имя и посвящен памяти Нарцисса.

Мильтон обращается к истории Эхо и Нарцисса в песне девушки в «Комосе». Она ищет своих братьев в лесу и поет, чтобы привлечь их внимание:

О Эхо, чья отчизна – край счастливый,
Где извивает
Свое русло Меандр ленивый,
Не видела ль ты меж ветвей,
В тени которых соловей
Тебе, незримой, душу изливает,
Двух юношей, столь царственных на вид,
Что твой Нарцисс их не затмит?
Ах, сделай милость,
Скажи, не ты ль красавцами пленилась
И прячешь их теперь,
Царица звуков, сфер эфирных дщерь?
Ответь, о нимфа, на вопрос мой честно,
И пусть твоим словам завторит свод небесный!

От редактора. Образ нимфы Эхо великий великий русский поэт А. С. Пушкин обыгрывает следующим образом в стихотворении «Рифма»:

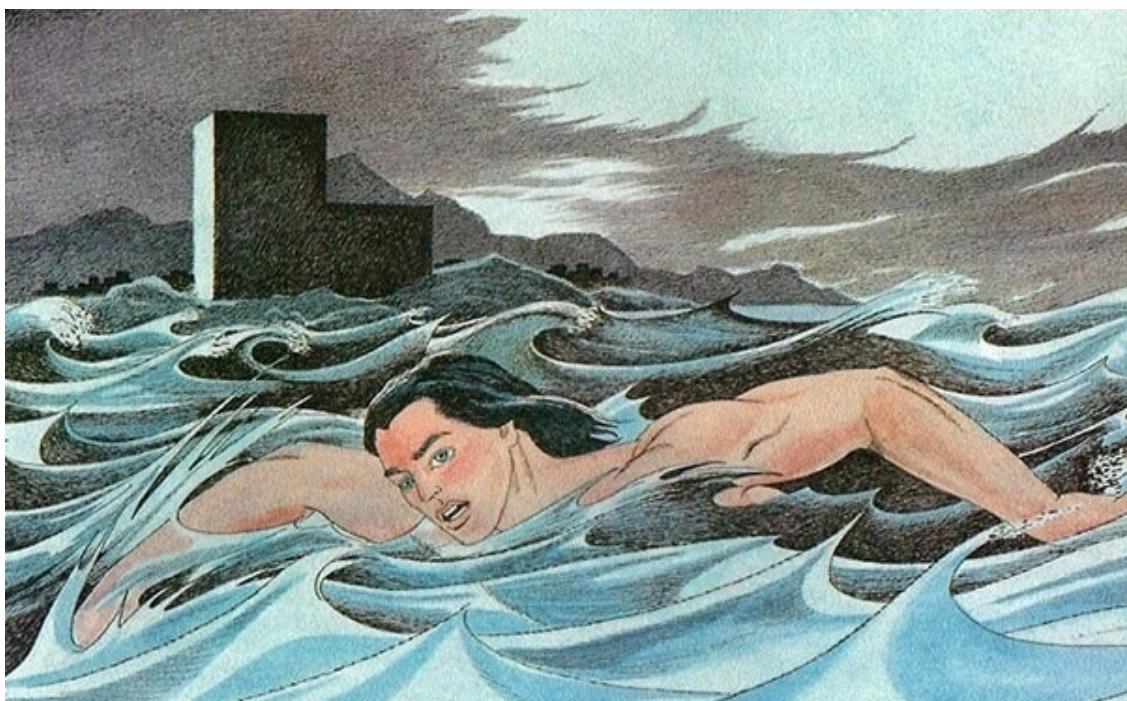
Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспыпал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

Геро и Леандр

Леандр был прекрасным юношем, жителем Абидоса, города на азиатской стороне пролива, который разделяет Европу и Азию. На противоположном берегу, в городе Сесте, жила девушка Геро, жрица Венеры.

Леандр любил ее, и каждую ночь переплыval пролив, чтобы насладиться обществом своей госпожи, ведомый светильником, который она специально поднимала на башне.

Но однажды поднялась буря, море рассвирепело; силы оставили юношу, и он утонул. Волны принесли его тело на европейский берег, где Гера узнала о его смерти, в отчаянии бросилась с башни в море, и погибла.

Историю о плавании Леандра в самом Геллеспонте веками считали за сказку, и этот подвиг казался невозможным, пока лорд Байрон не доказал его возможность, исполнив его сам. Расстояние в самом узком месте пролива – почти миля, и там постоянное течение из Мраморного моря в Эгейское.

Со времен Байрона подобный подвиг совершали и другие, но до сих пор он остается проверкой силы и мастерства в искусстве плавания, достаточных, чтобы обеспечить большую и долгую славу любому из наших читателей, кто осмелится попытаться переплыть это место. В начале второй песни поэмы «Абидосская невеста» Байрон так обращается к этой истории:

Над Геллеспонтом ветер дует,
Клубит волнами и бушует,
Как бушевал перед грозой,
Когда погиб в ночи ужасной
Тот юный, смелый и прекрасный,
Что был единственной мечтой
Сестоса девы молодой.
Бывало – только лес сгустится,
И веющий факел загорится, –
Тогда, хоть ветер и шумит,
Хоть море гневное кипит
И с пеной к берегу несется,
И небо тмится черной мглой,
И птиц морских станица вьется,
Перекликаясь пред грозой, –
Но он смотреть, внимать не хочет,

Как небо тмится – вал грохочет,
Все факел светится в очах,
Звездой любви на небесах;
Не шум грозы, но томной девы
Все слышатся ему напевы:
«Неси, волна, в полночной тьме,
Скорее милого ко мне!»
Вот старина, – и нам дивиться
Не должно ей, – быть может, вновь
Пылать сердцам велит любовь,
И эта быль возобновится.

Перевод Ив. Козлова

Адмет и Алкестида

Аполлон одарил своего сына Асклепия таким мастерством во врачебном искусстве, что тот даже возвращал к жизни мертвых. Плутон был весьма этим встревожен и убедил Юпитера поразить Асклепия громом. Аполлон был возмущен убийством своего сына, но направил свою месть на невинных работников, которые сделали стрелу-молнию. Это были циклопы, чья мастерская была под горой Этна, из которой постоянно вырывались дым и пламя их печей. Аполлон послал свои стрелы в циклопов, и так этим рассердил Юпитера, что он назначил ему в наказание стать слугой смертного сроком на один год. Так вот Аполлон попал на службу к Адмету, царю Фессалии, и целых год пас его стада на зеленых берегах реки Амфрис.

На Феба некогда прогневался Зевес
И отлучил его с небес
На землю в заточенье.
Что делать? Сильному противиться нельзя.
Так Аполлон тотчас исполнил изреченье. –
В простого пастуха себя преобразя,
В мгновение с небес свое направил странство
Туда, где пенится Пенеев быстрый ток.
Смиренно платье, посошок
И несколько цветов – вот всё его убранство.
Адмету, добруму Фессалии царю,
Сей кроткий юноша услуги представляет
И скоро царскими стадами управляет.

(М. Н. Миравьев)

Адмет, как и другие, добивался руки Алкестиды, дочери Пелия, который обещал ее тому, кто приедет за ней на колеснице, запряженной львами и вепрями. С помощью своего божественного пастуха Адмет выполнил это задание и был счастлив завладеть Алкестидой, но внезапно жених заболел и, когда был уже близок к смерти, Аполлон уговорил парок пощадить его при условии, что кто-нибудь согласится умереть вместо него.

Адмет, радуясь отсрочке, мало думал о выкупе и, возможно, помня заявления о приверженности, которые он часто слышал от своих поданных, вообразил, что ему легко будет найти замену. Но это было не так.

Отважные воины, которые охотно бы рисковали своими жизнями за господина в кровавом бою, отступали при мысли о смерти за него на постели больного; а старые слуги, которые принимали щедрость его дома с самого детства, не хотели заплатить жалкими остатками своих дней ради того, чтобы выказать ему свою благодарность. Люди спрашивали: «Почему этого не сделает один из его родителей? Они по законам природы не могут жить намного дольше детей, и кто, как не они, должны отзываться на зов о спасении жизни, которую они дали, от безвременной кончины?»

Но родители, хотя и страдавшие при мысли о потере сына, не откликнулись на зов. Тогда Алкестида с великодушным самопожертвованием предложила себя взамен. Адмет, очень любя жизнь, не должен был согласиться получить ее такой ценой, но не было средства. Условие, поставленное парками, было выполнено, и приговор окончен. Алкестида заболела, тогда как Адмет поправился, и скоро все были уверены, что она не выживет.

Именно в это время ко дворцу Адмета прибыл Геракл и нашел домочадцев в большом страдании из-за предстоящей смерти верной жены и любимой госпожи. Геракл, для которого не было слишком трудных подвигов, решил попытаться спасти ее. Он залег в ожидании у двери в комнату умирающей царицы и, когда Смерть пришла за своей жертвой, он схватил ее и силой заставил оставить ее. Алкестида поправилась и была возвращена мужу.

Мильтон обращается к истории Алкестиды в своем сонете «Моей покойной жене»:

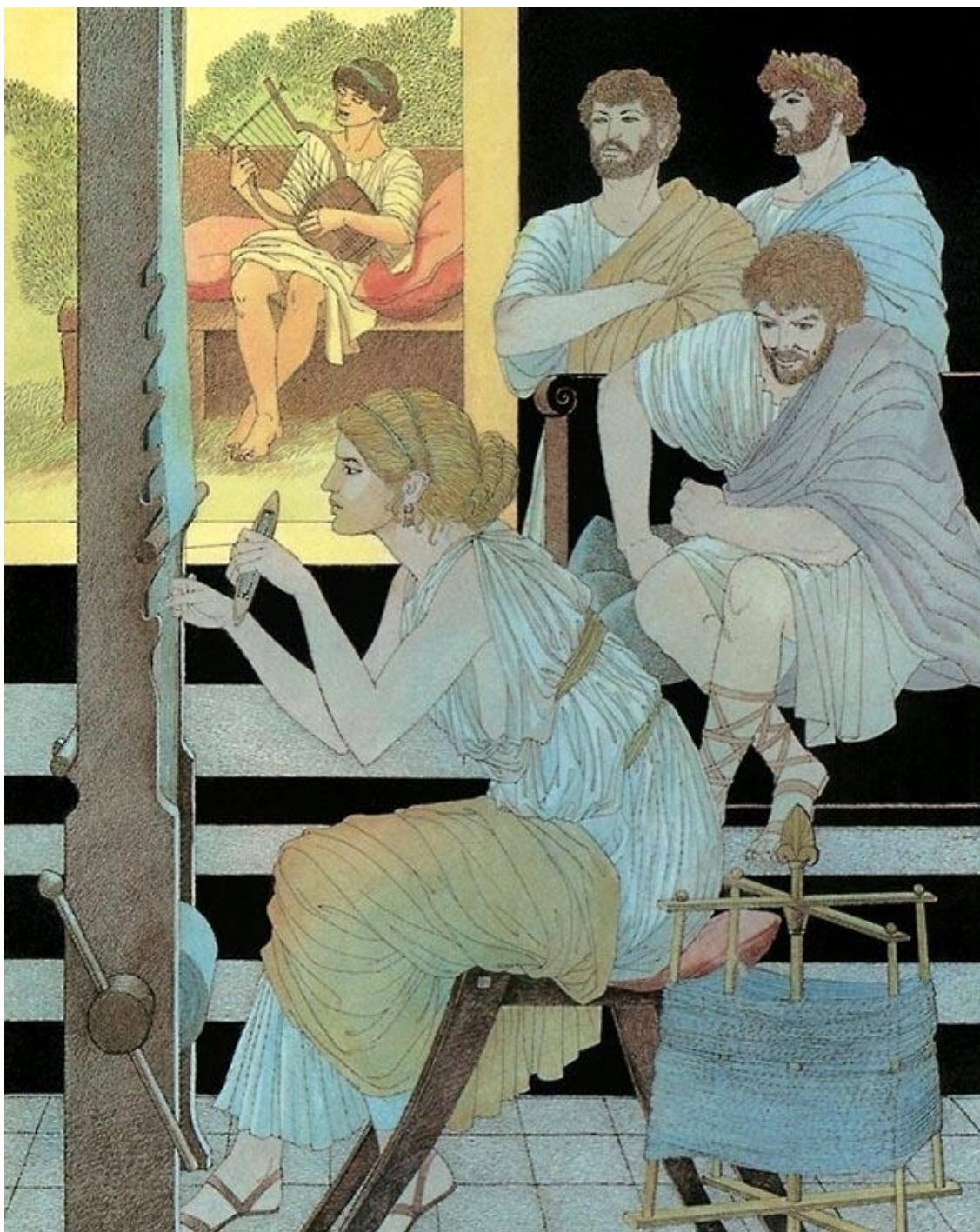
Во сне моя усопшая жена
Ко мне вернулась, словно Алкестида,
Которую у смерти сын Кронида
Для мужа отнял в оны времена.
Я разглядеть не мог сквозь покрывало
Ее лицо, хоть взор духовный мой
Прочел, что, как и встарь, оно сияло
Любовью, бесконечной и немой.
Но ах! Шагнув ко мне, она пропала,
Проснулся я – и свет сменился тьмой.

Перевод Ю. Корнеева

Пенелопа

Пенелопа – еще одна из героинь мифов, характер и поведение которой превосходили ее красоту. Она была дочерью Икария, спартанского царевича. Одиссей, царь Итаки, искал ее руки и завоевал ее, победив всех соперников. Когда пришло время невесте покинуть дом ее отца, Икарий, не способный вынести мысли о расставании с дочерью, пытался уговорить ее остаться с ним и не ехать с мужем в Итаку. Одиссей дал Пенелопе выбирать самой: остаться или ехать с ним. Пенелопа не ответила, но закрыла лицо вуалью. Икарий больше ее не уговаривал, но, когда она уехала, воздвигнул статую Скромности на месте, где они разлучились.

Одиссей и Пенелопа наслаждались союзом не больше года, когда он был прерван событиями, которые призвали Одиссея на Троянскую войну. Пока он отсутствовал, и было сомнительно, что он еще жив, и очень не правдоподобно, что он вообще вернется, Пенелопы домогались многочисленные женихи, от которых, казалось, можно было укрыться, только выбрав одного из них в мужья.

Однако Пенелопа прилагала все усилия, чтобы тянуть время, все еще надеясь, что Одиссей вернется. Одной из ее уловок промедления было приготовление погребального савана для Лаэрта, ее свекра. Она обязалась выбрать жениха, когда одеяние будет готово. В течение дня она работала над одеянием, но ночью распускала все, что было сделано за день. Эта знаменитая ткань Пенелопы, которая стала иносказательным выражением для того, что постоянно делается, но никогда не будет сделано.

Продолжение истории Пенелопы мы расскажем, когда придет время рассказать о приключениях ее мужа.

Ацис, Галатея и циклоп Полифем

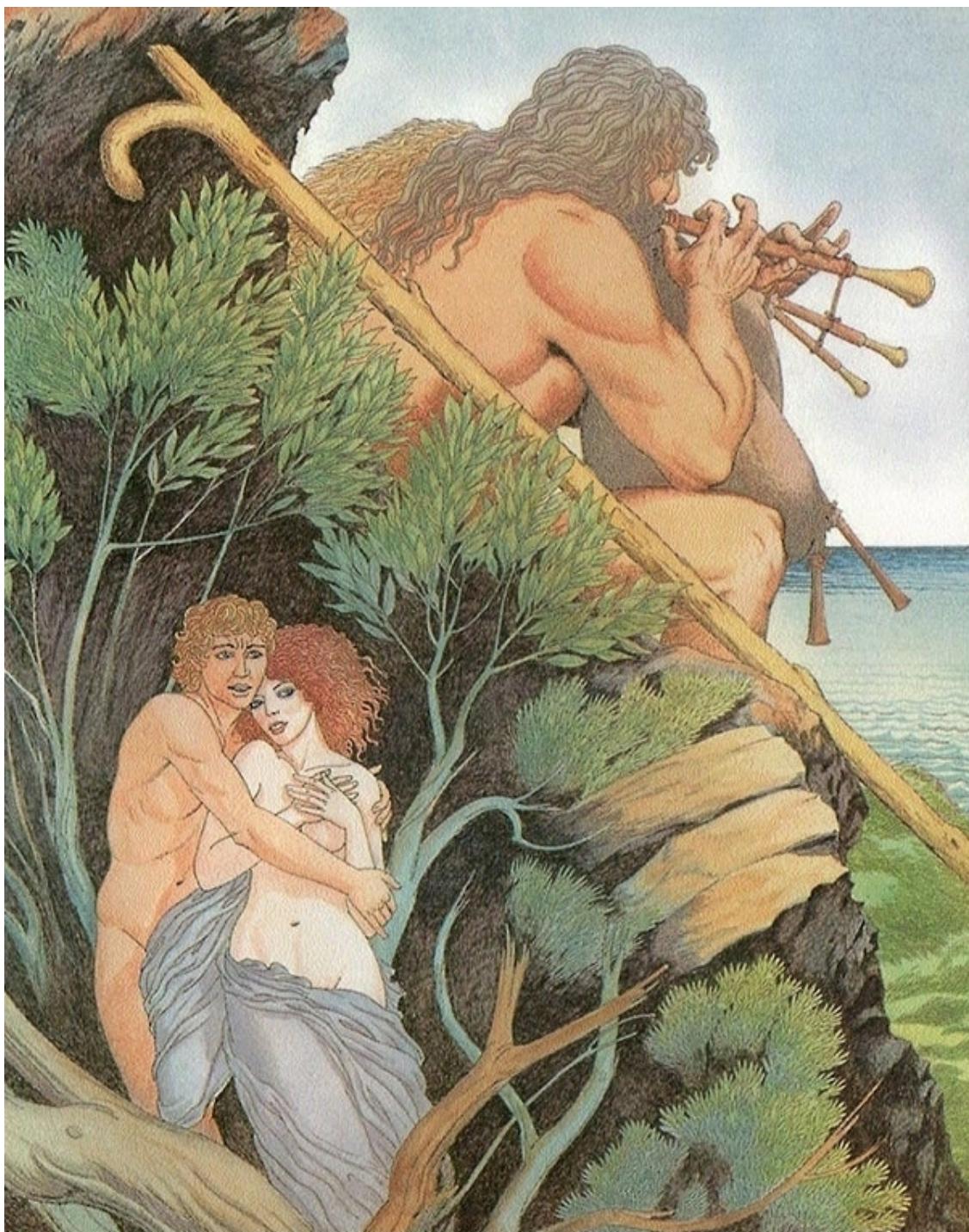
Сцилла была прекрасной сицилийской девушкой, любимицей морских нимф. У нее было много поклонников, но она отвергла их всех и ходила в гrot Галатеи и рассказывала ей, как ее преследовали. Однажды богиня, когда Сцилла собирала ее волосы, выслушала очередную ее историю и потом ответила: «Все же, девушка, твои преследователи принадлежат к благородному роду людей, которых, если ты захочешь, можешь отвергнуть; а я, дочь Нерея, защищенная такой толпой сестер, не нашла выхода от страсти Циклопа, кроме как на дне моря», – и ее речь прервалась слезами, которые жалостливая девушка смахнула прочь своим нежным пальцем, и как могла попыталась утешить богиню. «Скажи мне, дорогая, – сказала она, – о причине твоего горя».

И Галатея ей рассказала: «Ацис был сыном Фавна и Наяды. Отец и мать нежно любили его, но их любовь не была равна моей. Ибо прекрасный юноша пристал ко мне одной, а ему было только шестнадцать лет, и пушок только еще начал темнить его щеки. Так, как я искала его общества, Циклоп искал меня; и если вы спросите меня, что было сильнее: моя любовь к Ацису или ненависть к Полифеву, я не смогу ответить; они были равны по силе.

О, Венера, как велика твоя власть! Этот дикий гигант, ужас лесов, которого не мог избежать невредимо несчастный странник, который бросал вызов самому Зевсу, учился чувствовать, что такое любовь, и, охваченный страстью ко мне, забыл свои стада и пещеры с добром. И впервые он начал проявлять некоторую заботу о своей внешности и стараться быть милым; он причесывал свои грубые пряди гребнем и брил свою бороду серпом, вглядываясь в свои суровые черты в воде и строя свое выражение. Его любовь к убийству, его дикость и жажда крови больше не торжествовали, и корабли, которые причаливали к его острову, уезжали обратно в сохранности. Он ходил вверх и вниз по морскому берегу, оставляя огромные следы своей тяжелой походкой, и, когда уставал, печально лежал в своей пещере.

Там есть мыс, который выдается в море, которое омывает его с другой стороны. Однажды сюда поднялся огромный Циклоп и сел, пока его стада рассеялись вокруг. Отложив палку, которая могла служить мачтой для парусов корабля и взяв свой инструмент, состоящий из бесчисленных трубок, он запел, и холмы и реки отвечали ему эхом. Я лежала, укрытая под скалой, рядом со своим любимым Ацисом и слушала отдаленную музыку. Она была полна расточительных комплиментов моей красоте, смешанных со страстными упреками в моей холодности и жестокости.

Закончив, он поднялся, и, как разъяренный бык, который не может стоять спокойно, ушел в леса. Ацис и я больше о нем не думали, пока внезапно он не пришел на место, с которого увидел, как мы сидим. «Я вижу вас, – воскликнул он, – и сделаю это ваше любовное свидание последним». Его голос ревел так, как может реветь только разъяренный циклоп. Этна задрожала от звука. Я, охваченная страхом, прыгнула в воду. Ацис повернулся и побежал, крича: «Спаси меня, Галатея, спасите меня, родители!»

Циклоп преследовал его и, оторвав скалу от склона горы, бросил в него. Хотя только ее угол коснулся его, она раздавила его. Все, что было отпущено судьбой в мою власть, я сделала для Ациса. Я наделила его почестями его деда, речного бога. Пурпурная кровь вытекала из-под скалы, но постепенно бледнела и стала походить на поток реки, взмутненной дождями, а со временем он стал чистым. Скала раскололась, и вода, извергаясь из расщелины, издавала приятное журчание. Так Ацис превратился в реку, и река сохраняет это же имя.

Луис Камоэнс в своих «Лузиадах» так интерпретирует эту легенду:

И точно так же нимфа Галатея
Разгневанного Нота укрощала

И, нежных слов и взглядов не жалея,
Его свирепость лаской усмиряла.
Ей покорился Нот, от счастья млея,
Прелестница его очаровала.
Смягчился Нот близ юной нереиды,
Забыв все шквалы, бури и обиды.

Перевод Ольги Овчаренко

Английский поэт Джон Китс сравнивает манеры Полифема с состоянием современной ему поэзии:

Пожалуй. Но, по правде, своевольный
И странный раздается струнный звон.
Величья он, конечно, не лишен,
Но слишком уж причудливые темы
Облюбовали наши Полифемы,
Рушители каменьев...

Глава II. Герои чести и отваги

Персей и Медуза

Персей был сыном Юпитера и Danae. Его дед, Акрисий, был встревожен оракулом, который предсказал ему, что сын его дочери будет орудием его смерти, и потому мать и дитя по его приказы были помещены в деревянный ящик и спущены в море. Ящик приплыл к Серифу, где был найден рыбаком, который доставил мать и наследника к царю этой страны Полидекту, которым они были любезно приняты.

Когда Персей вырос, Полидект послал его на битву с горгоной Медузой, ужасным чудовищем, которое опустошало страну. Когда-то она была прекрасной девушкой, чьи волосы были ее главной славой, но, так как она осмелилась соперничать в красоте с Минервой, богиня лишила ее всего очарования и превратила ее прекрасные локоны в шипящих змей. Она стала жестоким чудовищем с таким пугающим видом, что любое живое создание, посмотревшее на нее, превращалось в камень. Всюду вокруг пещеры, где она жила, можно было видеть каменные фигуры людей и животных, которым довелось взглянуть на нее и окаменеть от ее вида. Персей, которому покровительствовали Минерва и Меркурий (первая одолжила ему свой щит, а второй – крылатые сандалии), отправился сперва к богиням Грайям, знавшим все скрытое в природе.

Грайями звались три сестры, седые от рождения, откуда и происходит их имя. У них был единственный, общий им всем глаз и такой же зуб. Отняв у них этот глаз и зуб, Персей пообещал отдать отнятое лишь в том случае, если они укажут ему дорогу к Горгонам и дадут крылатые сандалии, мешок и шлем Аида (шапку-невидимку). Получив все это, Персей отправился к Горгонам.

Горгоны были женщинами-чудовищами с зубами огромными, как у свиньи, медными кловами и волосами-змеями. Никто из этих существ не занимает такого места в мифологии, как горгона по имени Медуза, к истории которой мы сейчас обратимся. Мы упоминаем их главным образом для того, чтобы представить оригинальную теорию некоторых современных писателей, что горгоны и граи были лишь персонификациями ужасов моря, первые означают сильные волны в открытом море, вторые – белые пенные волны, которые разбиваются о скалы побережья. Именно такие названия скрываются под этими эпитетами на греческом.

Персей пришел к Медузе, когда она спала, и, не глядя на нее прямо, а ориентируясь по ее отражению в сияющем щите, отрубил ей голову и посвятил ее Минерве, которая закрепила его в центре своей эгиды.

Мильтон в своем «Комосе» так описывает эгиду:

Щит со змеинокосою Горгоной,
Чей вид врагов необоримой девы,
Минервы мудрой, в камень превращал,
Как не эмблемой чистоты суровой,
Способной ужас и благоговенье
В насильнике внезапно пробудить?

Перевод Ю. Корнеева

Лукан (в поэме «Фарсалия», кн. 9) рассказывает, что кровь одной из Горгон дала начало всем змеям Ливии – аспиду, амфисбене, аммодиту и василиску:

В теле ее губительный яд впервые природа
Произвела: из горла тогда шипящие змеи
Выползли, жалом своим трепеща с пронзительным свистом.

И по спине у нее разметались, как женские косы
Плечи хлестали они ликованием полным Медузы.
Встали над хмурым челом, поднявшись дыбом, гадюки,
Яд извивался из них, когда волосы дева чесала.
Что было пользы проткнуть копьем василиска.
Мурру несчастному? Яд мгновенно по древку разлился.
В руку всосался ему; поспешно меч обнаживши,
Он ее тотчас отсек, у плеча отделивши от тела.
И, наблюдая пример своей собственной смерти ужасной,
Смотрит, живой, как гибнет рука.

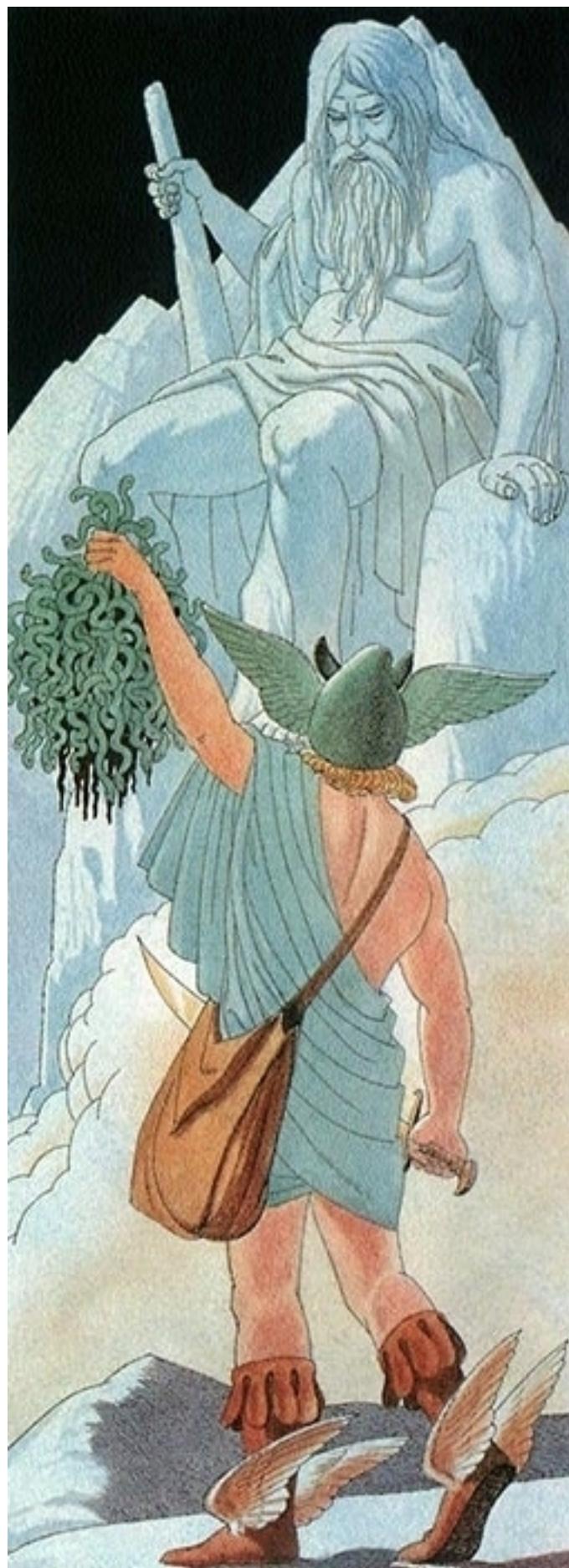
Персей и Атлас

После битвы с Медузой Персей, неся с собой голову горгоны, летал повсюду над землей и морем. Когда пришла ночь, он достиг западного предела земли, где садится солнце. Здесь он был бы рад отдохнуть до утра. Это было царство Атласа, который весом превосходил любого другого человека. Он был богат стадами и растениями и не имел соседей или соперников, которые осмелились бы оспаривать его положение. Но главной его гордостью был сад, в котором были золотые плоды, висевшие на золотых ветвях, полускрытые золотыми листьями.

Персей сказал Атласу:

– Я пришел к тебе как гость. Если ты ценишь славное происхождение, а я притязаю на то, что мой отец – Юпитер; если уважаешь подвиги силы – я расскажу тебе о своей победе над Медузой Горгоной. Мне же нужен лишь отдых и еда.

Но Атлас вспомнил древнее предсказание, предупреждавшее его, что сын Зевса однажды украдет его золотые яблоки. Поэтому он ответил:

– Убирайся! А то ни твои ложные притязания на славу, ни родословная не спасут тебя.

И он попытался вышвырнуть его. Персей, посчитав гиганта слишком сильным для себя, сказал:

– Если ты так мало ценишь мою дружбу, соизволь принять мой подарок, – и, отвернувшись, выставил голову горгоны.

И бедняга Атлас, со всем своим весом, превратился в камень. Его борода и волосы стали лесами, руки и плечи – утесами, голова – вершиной, а кости – скалами. Каждая часть утяжелилась, пока он не стал горой, и (такова была воля богов) небо со звездами доныне поконится на его плечах.

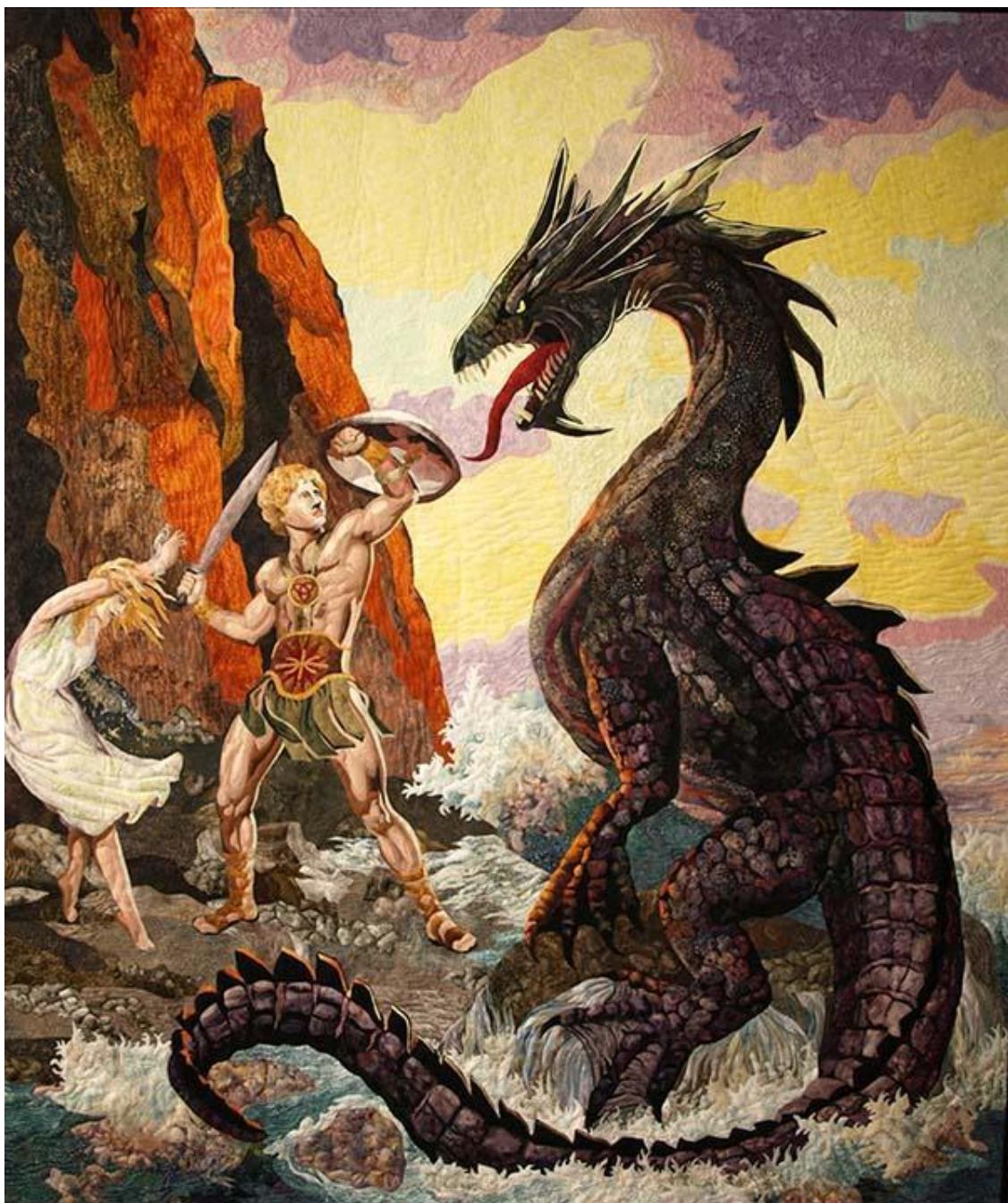
Персей и морское чудовище

Персей, продолжая свой полет, прибыл в страну эфиопов, царем которой был Кефей. Кассиопея, его жена, гордая своей красотой, осмелилась однажды сравнивать себя с морскими нимфами, чем возмутила их до такой степени, что они наслали огромное морское чудище опустошать побережье страны.

Чтобы успокоить богов, оракул уговорил Кефея отдать родную дочь Андромеду на съедение чудовищу. Когда Персей посмотрел на землю со своей небесной высоты, то увидел девушку, прикованную цепями к скале и ожидающую приближения змея. Она была очень бледной и не двигалась, так, что если бы ее слезы не текли, и волосы не разевались, ее можно было принять за мраморную статую. Он был так потрясен этим видом, что забыл обо всем. Он стал парить над ней и наконец сказал:

– О, дева, не заслуживающая таких цепей, а скорее тех, что связывают вместе влюбленных, скажи мне, прошу тебя, свое имя, и имя твоей страны, и почему ты так связана.

Сначала она от скромности молчала и, если бы могла, закрыла бы свое лицо руками; но, когда он повторил свои вопросы, то из страха, что он может подумать, что на ней есть какая-то вина, о которой она не осмеливается сказать, она открыла свое имя, и название страны, и рассказала про то, как ее мать гордилась красотой.

Но прежде чем она договорила, над водой послышался шум, и появилось морское чудище, с головой, поднятой над поверхностью воды, разбивающее волны своей широкой грудью. Дева вскрикнула; ее отец и мать, которые теперь прибыли к месту, оба несчастные, но мать более заслуженно, стояли рядом, не способные защитить, но только изливать причивания и обнимать жертву. Потом Персей сказал:

— Довольно слез; настал час спасения. Меня можно почитать и самого по себе, так как я сын Юпитера и известен как убийца горгоны; но я постараюсь завоевать ваше расположение оказанием услуги, если только боги будут ко мне благосклонны. Если ваша дочь будет спасена моей храбростью, то я потребую ее как награду.

Родители согласились (как они могли колебаться?) и обещали с ней царское приданое.

И как только чудовище, бросившееся мощным рывком, оказалось в пределах гряды камней, юноша, во внезапном прыжке, взлетел в воздух. И как орел, который с высоты своего

полета увидев змею, греющуюся на солнце, налетает на нее и хватает за шею так, чтобы помешать ей повернуть голову и применить клыки, так и юноша устремился на спину чудовища и вонзил свой меч в его плечо. Раздраженное раной, чудовище поднялось в воздух, потом погрузилось в глубину; потом, как дикий вепрь, окруженный сворой лающих собак, стало метаться из стороны в сторону, пока юноша ускользал от его атак с помощью своих крыльев. Где только он не находил место для своего меча, он наносил раны зверю, пронзая то один его бок, то другой, пробираясь к хвосту. Грубые струи влаги из ноздрей чудища смешались с кровью. Крылья героя намокли от нее, и он больше не смел доверяться им.

Высадившись на скалу, которая возвышалась над волнами, он, держась за выступ, нанес чудовищу последний смертельный удар, когда оно проплывало рядом. Люди, которые собирались на берегу, закричали так, что холмы ответили эхом. Родители в радости обняли своего будущего зятя, называя его избавителем и спасителем их дома, а дева, причина и одновременно награда за битву, спустилась со скалы.

Кассиопея была эфиопкой, и, следовательно, несмотря на ее хваленную красоту, чернокожей; по крайней мере, так, видимо, думал Мильтон, который обращается к этой истории в своем «Il Penseroso», где определяет Меланхолию следующим образом:

Богиня мне мила другая –
Ты, Меланхolia благая,
Чей лик нарочно зачернен,
Затем что слишком светел он
Для слабого людского взора;
Но это чернота, которой
Лишь умножалась прелесть той,
Кому Мемнон был брат родной,
Иль царственной Кассиопеи,
Дерзнувшей дочерей Нерея
Прогневать похвальбой своей.

Перевод Ю. Корнеева

Кассиопея названа «звездной эфиопской царицей», потому что после смерти она была помещена среди звезд, образуя созвездие с таким именем. Хотя она удостоилась такой чести, морские нимфы, ее старые враги, все же торжествовали и добились, чтобы она была помещена в той части неба около полюса, где каждую ночь она половину времени висит вниз головой, чтобы преподать урок покорности.

Мемнон же был эфиопским царем, о котором мы расскажем в следующей главе.

Свадебный пир Персея

Радостные родители с Персеем и Андромедой направились во дворец, где был устроен пир и царило веселье и праздничное настроение. Но вдруг послышался шум, и Финей, некогда помолвленный со спасенной девушкой, с толпой своих приближенных ворвался внутрь, требуя себе девушку. Напрасно Кефей протестовал:

– Ты бы претендовал на нее, когда она была привязана к скале, принесенная в жертву чудовищу. Приговор богов, обрекший ее на такую судьбу, разорвал все помолвки, как сама смерть.

Финей ему не ответил, но метнул свой меч в Персея, правда меч не попал в цель и упал, не причинив вреда герою.

Персей бросил бы свой меч в ответ, но трусливый противник побежал и спрятался за алтарь. Однако его действие было сигналом для наступления его команды на гостей Кефея. Они сами защищались, и получилась общая борьба; старый царь удалился оттуда после бесплодных увещеваний, призывая богов в свидетели, что он не виновен в нарушении законов гостеприимства.

Персей и его друзья некоторое время держались в неравной схватке; но число противников было значительно больше, и поражение казалось неизбежным, когда внезапная мысль пришла в голову Персея – «Я сделаю моего врага моим защитником».

Потом громким голосом он воскликнул:

– Если у меня есть друзья здесь, отвернитесь! – и поднял голову Горгоны.

– Не пытайся испугать нас своим обманом, – сказал Фескел и поднял свое копье для броска, но окаменел именно в этой позе.

Ампикс почти погрузил свой меч в тело простершегося врага, но его рука окаменела, и он не мог ни выбросить ее вперед, ни отвести назад. Другой в момент громогласного вызова остановился с открытым ртом, но без исходящего звука. Один из друзей Персея, Аконтей, также поймал взгляд горгоны и окаменел, как другие. Астиагей ударил его мечом, но вместо того, чтобы причинить рану, меч отскочил со звоном.

Финей увидел ужасный результат своей несправедливой выходки и смутился. Он громко звал своих друзей, но не получал ответа; он дотрагивался до них, но находил только камень. Упав на колени, он простирая руки к Персею, но отвернувшись, просил прощения.

– Возьми себе все, – молил он, – оставь мне только мою жизнь.

– Подлый трус, – отвечал Персей, – вот что я тебе пожалую: никакое оружие не коснется тебя, более того, ты будешь сохранен в моем доме как память об этих событиях.

Сказав так, он выставил голову горгоны туда, куда смотрел Финей, и именно в той позе, в какой он был – на коленях, с протянутыми руками и отверщенным лицом – он и замер неподвижной массой камня!

Джон Мильтон в «Потерянном рае» помещает Медузу прямиком в ад, где она служит дополнительной пыткой грешным душам:

Они к воде
Припасть готовы, но преградой – Рок;
Ужасная Медуза, из Горгон –
Опаснейшая, охраняет брод;
Сама струя от смертных уст бежит,
Как некогда из жадных губ Тантала.

Перевод Ю. Корнеева

Заключение. По возвращении домой Персей возвратил волшебные сандалии Гермесу, а тот вернул их нимфам. Он же доставил Аиду шлем-невидимку. Голову Медузы в дар получила Афина-Паллада и прикрепила ее к своему щиту, который с тех пор стал грозным оружием – эгидой, – и с той поры сказать «оказаться под эгидой власть имущего человека» стало на всех языках означать обретение надежной защиты.

Злоключения Эдипа

Лай, царь Фив, был предупрежден оракулом, что его трону и жизни будет угрожать опасность, если его новорожденному сыну будет дано вырасти.

Поэтому он поручил ребенка пастуху с приказом уничтожить его; но пастух, движимый жалостью, и вместе с тем не осмелившийся полностью ослушаться, привязал ребенка за ноги и оставил его висеть на ветке дерева. В таком виде наследника нашел селянин, который принес его своему господину и госпоже, и они назвали его Эдип, т. е. «с опухшими ногами».

Много лет спустя Лай держал путь в Фивы в сопровождении только одного слуги и встретил на узкой дороге юношу, который правил колесницей. На его отказ уступить дорогу по их требованию, слуга убил одну из его лошадей, и путник, исполненный ярости, убил и Лая, и его слугу. Этим юношей был Эдип, который, таким образом, в неведении стал убийцей своего собственного отца.

Немного спустя после этого события Фивы были поражены монстром, который осадил главную дорогу. У него было тело льва, а верхняя часть – от женщины. Его (вернее её) называли Сфинкс. Она лежала, преклоненная к земле, на вершине скалы и задерживала путешественников, который шли этим путем, предлагая им загадку с условием, что тот, кто ее разгадает, пройдет спокойно, а кто ошибется – будет убит. Еще никому не удалось решить этой загадки, и все были убиты.

Сфинга (Сфинкс) была интеллектуальной, но малосимпатичной личностью

Эдип не устрашился этим тревожным счетом, и смело пошел навстречу испытанию. Сфинкс спросила его: «Какое животное утром ходит на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?». Эдип ответил: «Человек, который в детстве ползает на четвереньках, в зрелости ходит прямо, а в старости – с помощью палки». Сфинкс была так подавлена решением своей загадки, что бросилась со скалы и погибла.

Благодарность народа за избавление от монстра была столь велика, что они сделали Эдипа своим царем, отдав ему в жены царицу Иокасту. Эдип, не зная родителей, уже стал убийцей отца; а, женившись на царице, он стал мужем своей матери. Эти ужасы оставались скрытыми, пока наконец Фивы не были поражены голодом и чумой, и посовещанию с оракулом не вышло на свет двойное преступление Эдипа. Иокаста покончила с собой, а Эдип, сошедший с ума, ослепил себя и ушел из Фив, ужасающее несчастный и покинутый всеми, кроме своей дочери, Антигоны, которая верно следовала за ним, пока после периода утомительных странствий в нищете его злосчастная жизнь не подошла к концу.

Антигона

Среди интересных людей и выдающихся подвигов легендарной Греции значительная доля принадлежит женскому полу.

Ярким примером дочерней и сестринской преданности была Антигона, также как Алкестида – примером супружеского самопожертвования. Она была дочерью Эдипа и Иокасты, которые со всеми их потомками были жертвами безжалостной судьбы, обрекшей их на гибель.

Когда ослепленный Эдип отправился в добровольное изгнание, лишь Антигона, его дочь, одна разделила его странствия и оставалась с ним до самой его смерти, а затем вернулась в Фивы.

Эдип скитается с Антигоной

Между тем, братья Антигоны – Этеокл и Полиник договорились разделить отцовское царство и править им по очереди – каждый по году. Первый год правления по жребию выпал Этеоклу, который, когда время его истекло, отказался передать царство брату, и таким образом узурпировал власть.

Полиник бежал к Адрасту, царю Аргоса, который отдал ему в жены свою дочь и помог с армией, чтобы осуществить его притязание на царство. Это привело к знаменитому походу «Семерых героев против Фив», который дал богатый материал для эпических и трагических поэтов Греции.

Амфиарай, зять Адраста, был против этого предприятия, потому что он был провидцем и знал, что никто из главарей, кроме Адраста, не вернется из этого похода живым. Но, будучи женатым на Эрифиле, сестре царя, Амфиарай согласился, что всякий раз, когда он и Адраст расходятся во мнении, они будут оставлять принятие решения Эрифиле. Полиник, зная это,

подарил Эрифиле ожерелье легендарной жены Кадма – Гармонии – и этим склонил ее на свою сторону. Это ожерелье было подарком Вулкана Гармонии на ее свадьбу с Кадмом, и Полиник прихватил его с собой, когда бежал их Фив. Эрифиле не могла отказаться от такой заманчивой взятки, и по ее решению началась война, и Амфиарай пошел навстречу своей определенной судьбе. Он смело проявил себя в противоборстве, но не мог отвратить свою судьбу.

Преследуемый врагом, он плыл по реке, когда молния, брошенная Юпитером, разверзла землю, и он, его колесница и его возничий были поглощены. Здесь мы не будем говорить подробно о героизме и жестокости, которыми отмечена эта война; но должны описать верность Эвадны как контраст к слабости Эрифилы.

Капаней, муж Эвадны, в пылу битвы заявил, что пробьется в город хоть назло самому Зевсу. Он взбирался, приставив к стене лестницу, но Юпитер, обидевшись на его нечестивый язык, поразил его молнией. На его похоронах Эвадна бросилась в его погребальный костер и погибла.

В начале войны Этеокл советовался с прорицателем Тиресием о ее исходе. Тиресий в юности случайно увидел купающуюся Минерву. Богиня в гневе ослепила его, но потом, успокоившись, дала ему взамен дар пророчества. Когда с ним советовался Этеокл, он заявил, что Фивы падут, если Менекей, сын Креонта, добровольно принесет себя в жертву. Героический юноша, узнав ответ, отдал свою жизнь в первой же схватке.

Война длилась долго с переменным успехом. Наконец, обе стороны согласились, что братья должны разрешить свой спор поединком. Они боролись и оба погибли один от руки другого. Армии возобновили битву, и, наконец, захватчики были вынуждены отступить и бежали, оставив своих мертвцев не погребенными. Креонт, дядя погибших царевичей, теперь став царем, приказал похоронить Этеокла со всеми полагающимися почестями, но оставил тело Полиника лежать там, где он упал, запретив кому бы то ни было хоронить его под страхом смерти.

Антигона, сестра Полиника, с негодованием слушала этот отвратительный указ, который предавал тело ее брата собакам и хищникам, лишающий его тех обрядов, которые считались важными, чтобы упокоить мертвца. Не поколебавшись от отговоров ее нежной, но робкой сестры, и не получив помощи, она решила бросить вызов и отважилась похоронить тело собственными руками. Ее застали за этим делом, и Креонт отдал приказы, чтобы она была похоронена заживо, как сознательно обратившая в ничто торжественный указ города. Ее возлюбленный, Гемон, сын Креонта, покончил с собой, т. к. не мог изменить ее судьбу и спасти ее.

История Антигоны образует сюжет двух прекрасных трагедий греческого поэта Софокла. Поэтесса Джеймсон в «Характеристиках женщин», сравнивает ее характер с характером Корделии в шекспировском «Короле Лире».

От редактора. В русской поэзии историю Антигоны находим у В. В. Капниста:

«Эдипа» видел я, – и чувство состраданья
Поднесь в растроганной душе моей хранит
Гонимого слепца прискорбный, томный вид.
Еще мне слышится несчастного стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы глас,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.